

ТЮМЕНЬ

Литературная

Газета русской

литературы и культуры

RUSSIA №№ 1-2 (89-90) 2007 г.

TYUMEN

Первый номер

вышел в июле 1972 г.

“Бердюжский край” - журнал в журнале

Новый Дом культуры в Бердюжье.
Открыт 13 декабря 2006 года

Живое серебро озер

Приглашаю на ярмарку!

Образцовый коллектив хореографической студии
“Розовый букет” (рук. Владимир Карелов)

«Основу народа составляют не торговцы и спекулянты, не представители малого или большого бизнеса, а люди, улавливающие солнечный луч и превращающие его в хлеб. Эта экологическая парадигма особенно очевидна для страны с такими просторами, как Россия, над которой солнце проходит 12 часовых поясов. Россия всегда была страной земледельцев. Ермолай-Еразм в трилогии о Святой Троице считал их главной силой государства. Это только сейчас «дерьмократы» довели её до того, что аграрную партию поддерживает лишь один процент населения. Невдомек им, что крестьянин всегда кормил страну, одевал её, охранял от нашествия «бусурман», сберегая её генетическую красоту и здоровье, наконец, он создавал основу её культуры. Если бы не Арина Родионовна, то не было бы Пушкина».

Юрий Новоженев.
«Социобиологический
анализ прекрасного».

РЕНТАБЕЛЬНЫЙ ЛИ МЫ НАРОД?

Беседа редактора «ТЛ» Н. В. Денисова с главой Администрации Бердюжского района Тюменской области Н.В. Теньковским.

Сколько б громко и много не произносилось сегодня слов о патриотизме, о возрождении, о могуществе России, о чаяниях народа представителями разных структур и партий (в выборный период особенно, даже Чубайс заговорил о патриотизме!), в экономической политике страны продолжает главенствовать либеральная установка на рентабельность, то есть принцип выгоды, материальной прибыли. И только. По этому принципу «не вписавшиеся в рынок» должны прозябать или вовсе сгнить с лица земли, как нерентабельные, уступив место «крепким хозяйственникам». То есть лишнего народа в стране и быть не должно. Не о том ли в свое время вещал в программе борьбы с русским народом – директор ЦРУ Даллес!

Россия – особая в мире страна. И видим нынче, рынок, как впаривали нам в головы и «распальцовывали» либерал-демократы еще в начале перестройки, так и «не сумел расставить всё по своим местам». Ни хозяйственную, ни духовную стороны бытия. Отдельные успешные мужики не спасают Россию! Почти полтора десятка лет экономика страны держалась на советских наработках. Сколько ж можно?!

Не потому ли там, наверху, по необходимости возникли новые веяния, обозначенные как приоритетные национальные проекты. И первый вице-премьер Д. Медведев, как видим мы по телеку, не досыпая и не доедая, мотается по регионам, растолковывая практическую пользу проектов. Встречается не только с областным начальством, но запросто входит в коровники и свинарники, глядя накануне умытых отечественных порсят или почесывает за ухом французско-голландских телочек, доставленных в наши разрушенные реформами пределы увеличивать (точней, возобновлять!) надои и привесы. То есть речь идет о восстановлении, о кооперировании, укрупнении сельхозпроизводства, от чего мы, собственно, и ушли в годы криминальной революции начала 90-х, не приняв в толк, что даже в любимых демократах США этого не делают.

У всякого спущенного сверху указания найдутся особо ретивые исполнители, готовые, как и во все времена, опережать темпы и бежать «вперед паровоза». Вот, к примеру, недавно слушал такого деятеля – выступавшего на гражданском форуме в Тюмени в присутствии губернатора. Деятель сей договорился до того, что предлагал опять, как в хрущевские времена «закрывать» малые неперспективные деревни, а сеять и убирать хлеба, ухаживать за скотом – доить, увеличивать привесы! – вахтовым методом. Вы слышите? Вахтовым! Ну, как молдаване или как братья-белорусы летают на наши севера из-под Витебска и Минска помогать нам добывать нефть!

Да на деревеньки эти молиться надо, сохранять, сколько возможно. Возрождать. Строить. Обратиться к опыту историческому. А он говорит нам, что Россия во все времена держалась на крестьянине, на русском мужике – хранителе устоев, созидателе, защитнике! А нам – вахтовый метод жизни в деревне! Верх идиотизма!

А солнышку не приказать ли перейти на вахтовый метод обогрева? А росе утренней не выпадать ли, как чиновник укажет! По расписанию. А цветочкам кукушкины слезки, полевые незабудкам да одуванчикам не установить ли регламент цветения? А как быть поэту, совсем не по расписанию выражающему восторг перед утренней деревенской зарей? А как общаться с нашими «меньшими братьями», озаряющими наши души и сердца? В Литературном институте, помню годы учебы там, из десяти студентов, будущих писателей, девять были деревенского происхождения. Корни поэзии, корни слова образного, корни творчества, нравственности, народной морали, они ведь оттуда – от земли!

Ни слова, ни полслова не произнес тот деятель на форуме

о душе человеческой. (Как, впрочем, и другие не произнесли!) Что ж, нет видимо, предела идиотизму и глупости, тому самому административному восторгу, о коем замечательно, еще до нас, написали Гоголь, Крылов, Салтыков-Щедрин, близкий нам по времени – Маяковский...

Присаживаюсь побеседовать с главой Бердюжского района, я ничего из вышесказанного мной сейчас перед главой не произносил. Земляки мои, бердюжане, нормальные люди, живут и трудятся, радуются успехам, переживают за неудачи. Проблем немало, как и повсюду. Вот о них мы и говорили с Н.В. Теньковским.

– *Николай Владимирович, руководитель района вы молодой, недавний, расскажите для начала о себе.*

– Родился и вырос в деревне Воробьево нашего района. Мать учительница в школе, отец был механизатором, бригадиром овцеводства, управляющим фермой. После школы я окончил сельхозинститут, инженер-механик. Начинать работать в совхозе «Бердюжский», в Окунёво, прошел должности от слесаря-наладчика до и.о. главного инженера. Директор совхоза В. Онохов сделал мне осознанно такую практику. Затем я был направлен главным инженером в совхоз «Рямовский» Через три года работы, в 1985-м, был избран председателем колхоза в селе Мелехино. Это был своеобразный колхоз: изолятор большого скота. К нам свозили скот, а мы лечили. Успешно у нас работала ветеринарная служба. За четыре года болезни скота в районе были ликвидированы...

Интересное это было время. Много строилось на селе жилья. По десять и по пятнадцать благоустроенных квартир возводили в деревнях. В 86-м мы, помнится, красного леса на строительство привезли 300 кубометров. Если бы и дальше в таком темпе шли дела, то сегодня, наверное, все бы деревни в районе обновились.

Жизнь показала, что в 90-е годы мы мало строили...

– *Извините, что перебиваю: это не жизнь показала, а нам показали такую «жизнь»!*

– Еще два слова о тех годах. В 91-м меня избрали первым секретарем райкома партии...

– *Сколько вам тогда было лет в общем-то не столь давнему выпускнику вуза?*

– Тридцать один год. Но поработать пришлось меньше года. С закрытием райкома партии, я вместе с четырьмя райкомовцами создал крестьянское хозяйство и десять лет отдал этой работе. Не жалею. В те годы пришлось еще быть и руководителем ассоциации таких хозяйств. И некоторые из них довольно успешно трудились на земле, в животноводстве. Они и сейчас неплохо работают. Например, Кутельников Николай Николаевич с братом Борисом из села Зарослое. Также семья Попова, Руденко, Тюрина, Фомина, Федорова. Или семья Мельникова Виталия Сергеевича из Пеганово. Чем мы занимались? Выращивали зерновые, капусту для севера, разводили свиней, зарыбляли озера пелядью, карпом. Мальков рыбы покупали в Тобольске, выращивали, отлавливали, продавали или меняли на бензин, запчасти к технике.

Например, мы в Бердюжье держали ферму, где было до трехсот песцов, до пятисот чернобурых лисиц, до трехсот кроликов, больше тысячи гусей.

И сегодня эти крестьянские хозяйства живут и крепнут. Появилась возможность самим строить жилые дома, обновлять технику – трактора, комбайны. За счет повышения культуры земледелия, новых технологий, добрых семян и внесения удобрений повышают урожайность зерновых. Те же Кутельниковы меньше 20-30 центнеров пшеницы с гектара не собирают. Две трети зерна, что вывозится из деревень на элеватор, это зерно из фермерских крестьянских хозяйств.

– *Но в районе сохранилось и крупное хозяйство – колхоз имени Калинина в Истошино.*

– Не только в Истошино, есть еще в Пегановом СПК, в

Уктузе, СПК «Элита», СПК в Кутырево... Это фермы бывших совхозов, сменившие названия в пору перестройки, где в начале 90-х годов сократили поголовье крупно-рогатого скота...

– Не сократили, наверное, а в результате той политики, что царил в России в те годы, просто разбазарили.

– Сейчас хватаемся за то, что сохранилось, догоняем себя прежних...

– ...и достигли определенной стабильности?

– Сельское хозяйство никогда стабильным не было. Сегодня финансовое положение хозяйств довольно неустойчивое, закредитованность крупных кооперативов очень большая. Есть по 20 и по 30 миллионов рублей кредитов. Но сегодня это не пугает, потому что хозяйства развиваются. Взять колхоз имени Калинина, он приобретает новые комбайны, переоснащает сушильное оборудование по обеспечению семенами своего и соседних районов. То же самое в Кировском (Пегановском) СПК, тоже приобретают новую технику. И еще серьезная работа ведется там по реконструкции коровника для принятия нового высокопродуктивного скота.

Серьезные деньги в развитие района вкладываются из областного бюджета. На поддержку нашего села район получил уже порядка 68 миллионов рублей.

– Люди, что в рыночных условиях работают, полагаю, что они работали на селе и в советское время. Как они чувствуют себя в новых условиях, есть ведь возможность сравнивать?

– Как сказать. В любое время есть плюсы и минусы. Скажем, прежде доярка зарабатывала 200 рублей в месяц. Этого хватало в селе на нормальную жизнь. Цены были стабильные на все на свете. Сегодня, сами видите, как цены эти галопируют. Конечно, люди определенного склада и в рынок входят успешно. Но не все ведь способны стать за прилавок и торговать.

– Как говорят, менталитет у бывших советских – не тот...

– Взять колхоз Калинина. Трудится 200 человек. Небольшое поголовье скота и четыре тысячи га посевная площадь. Нагрузка на работника 20 га. Небольшая. Зарплата, выходит, тоже скромная. Можно сократить «лишних» людей, увеличить нагрузку на человека, платить приличную зарплату. Но в колхозе этого не делают, сохраняя коллектив и работу для сельчан, не плодя безработных. А как быть дальше? Вероятно, надо искать новые формы деятельности, увеличивать объемы производства? Сами люди об этом задумываются.

– Сколько в районе безработных, Николай Владимирович?

– Сегодня зарегистрировано 398 безработных. Только официально. Их больше. Что делать? Сегодня мы работаем в плане интеграционных процессов на территорию района. Например, племязавод «Юбилейный» из Ишима. Сегодня у хозяина и руководителя племязавода Мамонтова Николая Тихоновича много посевных площадей в нашем районе. В Окунево – 6600 гектаров, 4600 га в Уктузе, в Мелехино – две с лишним тысячи.

Будет больше. Сегодня порядка 15 тысяч га из 40 тысяч га в районе ЗАО «Юбилейный» засевают у нас и обрабатывают. И заняты наши люди, в основном, механизаторы. Получают хорошую зарплату. Есть достижения в технологии работ, в урожайности. В прошлом году урожайность составила 25 центнеров пшеницы с гектара. У наших районных хозяйств нет такой урожайности.

– Видел эти поля в пору созревания. Чистота. Колос – к колосу! Выходит, как говорит президент Путин, переходим от некой стабильности – к развитию? Наверное, всем надоело бесконечно плакаться: поля заброшены, фермы разорваны, растащены, пора наводить порядок! Слышал высказывания об объединении мелких хозяйств в крупные. Что – новая коллективизация?

– Поддержка от властных структур сегодня есть. Но каждый человек волен выбирать способ хозяйствования. Категорично ведь никто не заявляет, что надо куда-то «входить», «вливаться». Но все-таки в плане развития, мелкому собственнику труднее. Мелкие хозяйства, работая на старой технике, живут за счет энтузиазма. И объемы получаемой продукции не позволяют им подняться на более высокую ступень развития.

Мелкий производитель без использования новых технологий, удобрений и высокопроизводительной техники, за счет пока неистощенной земли получает 12 и 15 центнеров зерна с гектара. Но разве он может с кем-то конкурировать при таких урожаях? А это вопрос поднятия всего сельского хозяйства в стране.

– Знаю, что поголовье скота в районе незначительное на сегодня. Но теперь модно заводить всяких там голландских, французских продуктивных коров...

– С 2004 года обновляем стадо в колхозе имени Калинина. Займемся о полноценных кормах. И надои поднялись до трех с половиной тысяч литров на корову. Для района это не плохо. СПК «Элита» по 3200 литров надаивает. А два-три года назад не могло подняться и до 2,5 тысяч литров.

– Вернусь к деятельности «Юбилейного» в Окунево. Засевая половину площади пахотных земель, что были в прежнем совхозе «Бердюжский», он собирает значительно больше зерна. Хорошо. Но многие земли пустуют, зарастают сорняками. Пустуют луга, солончаковые степи, где раньше хорошо паслись овцы...

– Я больше чем уверен, говоря так: те земли, которые сегодня пустуют, будут востребованы. И очень скоро. Они как бы отдыхают, набираются сил. На обрабатываемых же землях органика не вносится, только химические удобрения. Но силы земли имеют и свои пределы...

– Мы все о надоях да урожаях! Поговорим о социальной сфере – о культуре, образовании, строительстве жилья, о демографии, о настроениях людей... Производство ведь оно – только помощь в жизни человека.

– Все районы юга нашей области социально развиваются. В прошлом году мы начинали с бюджета 170 миллионов рублей, а закончили год – 240 миллионов. Семьдесят миллионов

дополнительно внесено в развитие района. Это без газификации, без дорожного строительства, без других строительных объектов. На ремонт школ, садиков, объектов культуры и здравоохранения были выделены огромные деньги. Открыт новый ДК в райцентре, капитально отремонтированы очаги культуры в Пеганово, Окунево, отремонтированы окуневская и истошинская средние школы. Начато строительство новой школы в Бердюжье, планируется строительство школы в селе Зарослое... Но нас волнует и беспокоит сокращение населения в районе. В прошлом году, например, родился 141 человек, а похоронили 243-х. Хотя в сфере здравоохранения и охране материнства есть серьезные подвижки. Напомню о тех же сертификатах при рождении второго и третьего ребенка...

Почему, на мой взгляд, убывает население? Не хватает жилья. Катастрофически не хватает!

Принята программа по молодым семьям. В прошлом году им выдано тридцать шесть сертификатов. На приобретение жилья и собственное строительство. Поправляется ли положение? Конкретный пример. Новая Западная улица в райцентре. Из двенадцати домов на улице четыре дома занимают молодожены. Они обеспечены работой, то есть имеют стабильную основу для постоянной жизни у нас.

Но есть матери-одиночки. Им, конечно, трудней всех. Самостоятельно построиться они не смогут, купить квартиру – тоже не смогут... Будем им помогать. На 2007-й год у нас в плане 16-квартирный дом в райцентре. Также реконструкция ветхого жилья. И все-таки эту проблему – обеспечения жильем, тем самым сокращения оттока людей из района, быстро не решить.

– Слышал разговоры такого характера – что будет с районом? Военкомат от нас убрали в Армизон, гостиницы нет, контору банка перевели куда-то...

– По поводу перевода военкомата. Где-то решили, что новобранцам добираться до железнодорожной станции будет ближе из Армизона... Но гостиницу собираемся строить. Может быть, частную, компактную. Строители уже готовы приступить к делу, выбираем место под стройку. Но у нас сегодня есть межрайонная санэпидстанция, которая работает и на Казанский, и на Сладковский, и на наш район... Тревога не обоснованная.

– Наш район хоть и издавна поэтический, песенный, талантливый район, но также издавна имеет проблему хорошей питьевой воды. А это вопрос здоровья человека.

– Согласен, ситуация не должна длиться. Будем добывать воду из-под земли. В Рямовском сельском поселении геологи нашли линзы питьевой воды, нашли такую линзу в Окунево.

– Раньше нас спасали колодцы!

– В малых деревнях, наверное, можно и колодцы вырыть. В этом году планируем отрыть пять таких колодцев. И еще будем продолжать ставить, как в деревне Гагарино, фильтры для водоочистки.

– Автобусы между деревнями, как было в 70–80 годах, не ходят. Будете ли восстанавливать движение общественно-го транспорта?

– Вопрос наболевший, будем его решать, хотя замечу, что и личного транспорта у нас много. Считаю, в каждом втором дворе своя машина... И говоря вообще о настроении людей на жизнь, смотрю на молодежь. Стало больше свадеб, больше желающих построить собственный дом, заработать хорошие

Глава Бердюжского района Н. В. Теньковский (слева), депутат Тюменской областной думы В. В. Завьялов

деньги. И все-таки жив пока стереотип прошлых лет: дайте это, обеспечьте тем-то и так далее.

– Понимаю, некоторые ждут, что власть всё для них сделает. А времена-то давно другие на дворе!

И еще. Район у нас южный, благодатный. Леса, озера, степи. В Тюмени летом бывает прохладно, а здесь, приезжаешь, помидоры на корню зреют! Но я о границе. Мы ж стали пограничным с Казахстаном районом. Меня поначалу это так шокировало, что, побывав у пограничников, на поминку вдохновился... А как практически госграница влияет на жизнь в Бердюжском районе?

– Мы оказались не только в пограничной зоне. С вводом федеральной трассы, идущей на Курган, стало значительно больше дорожно-транспортных происшествий. Осложнилась и криминогенная обстановка. К нам проникают наркотики, суррогатный алкоголь. Люди травятся, гибнут. Милиция наша, конечно, борется с негативом, но не всю эту контрабанду удается выявить, задержать. Граница осложнила общение людей с этой и той стороны. Сейчас на комиссии по приграничному сотрудничеству решается вопрос по упрощенному переходу границы родственников на ту и другую стороны в районе деревень Зарослое и Половинное.

– Дорога на Петропавловск прямая была, но сейчас закрыта. Прямо только одни вороны летают!

– Будем решать и этот вопрос...

Честно говоря, после визита к нам губернатора 13 декабря минувшего года появилось больше уверенности в нашей дальнейшей деятельности. Подвели итоги года и получили кредит доверия на будущее. Отношение области к району складывается нормальное. Часто у нас стали бывать заместители губернатора. Например, зам. губернатора по сельскому хозяйству Ковин постоянно приезжает к нам, помогает решать повседневные и перспективные вопросы.

Считаю, что в жизни и деятельности Бердюжского района есть серьезные перспективы.

На ферме привычный порядок

На Босоноговской молочно-товарной ферме колхоза имени Калинина царит привычный порядок. Чисто в базах, сытыми и ухоженными выглядят коровы, не слышно мычания – раздаётся лишь дружное хрупанье. Пеструшки. В большей части которых легко угадываются признаки голштино-фризской молочной породы, с большой охотой поедают зеленое сено, со свежим запахом сено из многолетних.

На сегодняшний день калининские животноводы имеют лучшие в районе показатели. Среднегодовой удой по ферме составляет порядка 3560 килограммов, а Любовь Леонидовна Редькина на своей группе получила за прошлый 2006 год по 4700 килограммов молока от коровы. Причем, говорит главный зоотехник хозяйства Надежда Николаевна Власова, более 3500 килограммов дали ей приобретенные в Свердловской области породистые нетели, переведенные в минувшем году в разряд первотелок.

Бухгалтера и экономисты все еще подсчитывают результаты ушедшего года, а жизнь между тем движется дальше. Нынче мало получать рекордные, по меркам прошлых лет, удои, которые сейчас считаются просто хорошими. Экономические показатели, уровень рентабельности и прибыли – вот что самое важное для хозяйства, а это в немалой степени зависит от качества продукции.

– По среднегодовому удою от коровы наш район на уровне соседних районов смотрится неплохо, – говорит главный зоотехник комитета АПК МО «Бердюжский муниципальный район» В.И. Филиппов. – Но настораживает такой факт: в прошлом году бердюжские хозяйства реализовали молоко по самым низким ценам. А цена напрямую зависит от качества. Значит, над качеством молока нам – работать и работать.

По словам Валерия Илларионовича, на качество молока в 2005 году Бердюжский район потерял порядка миллиона рублей, около 600 тысяч рублей упущенной выгоды приходится на долю одного из самых крупных производителей этой продукции – колхоза имени Калинина. В этом хозяйстве молоко реализовывалось в среднем по 7 рублей 57 копеек за литр, в то время как теоретически за каждый литр молока можно было получить до девяти рублей.

Справедливости ради нужно отметить, что условия труда на Босоноговской ферме достаточно сложные. Помещение базы реконструировано из свинарника, отчего невозможно соблюсти элементарные требования по содержанию живот-

ных. Не удается изжить сырость, с потолка постоянно шлепаются водяные капли. В морозные дни на базе стоит сырой туман. Нет родильного отделения, и коровы телятся прямо в базе, здесь же в клетках содержатся телята, которым уже не хватает места в профилактории. И это – несмотря на то, что в колхозе Калинина, одном из первых хозяйств района, удалось добиться сравнительно равномерного по году отела...

В общем, калининские животноводы только и мечтают, что о новом животноводческом помещении. Но когда сбудутся эти мечты – сказать сложно, учитывая, что уже не первый год основная отрасль экономики хозяйства – растениеводство – переживает немалые трудности, а значит, и финансовое положение колхоза оставляет желать лучшего.

И все-таки борьба за качество продукции необходима. В.И. Филиппов привез показать босоноговским животноводам аппарат фирмы «Де Лаваль», который на одной из выставок увидел губернатор области В.В. Якушев. Увидел и распорядился закупить по одному такому аппарату на сельскохозяйственные районы области. Делавалевский аппарат показывает, сколько соматических клеток содержится в одном миллилитре молока, а этот показатель выявляет наличие mastitis у коров, от которых молоко получено. Как объяснил В.И. Филиппов, если количество таких клеток не превышает 500 тысяч, то это продукция высшего качества. Если их больше миллиона, то молоко считается уже не сортовым. Рассказал об итогах первых экспериментов: в молоке частной коровы аппарат показал наличие 360 тысяч соматических клеток, в сборном молоке, закупленном в частном секторе, их уже оказалось 977 тысяч, в молоке, надоенном в одном из хозяйств, – 1477 тысяч, то есть на западе такой продукт, скорее всего, просто вылили бы в канализацию.

Поскольку Россия вступила-таки в ВТО, требования к качеству сельскохозяйственной продукции, в частности, молока будет только повышаться. И наши животноводы – от коллективных хозяйств до частных – должны быть к этому готовы, а пока хорошим агитатором борьбы за качество является закупочная цена.

– Коров на мастит мы проверяем регулярно, – говорит Надежда Николаевна Власова. – Методика у нас отработана. Выявляем, лечим. Выявление тоже идет постоянно.

Процент заболеваемости коров маститом обусловлен не столько погрешностями в уходе, считают специалисты,

сколько состоянием доильного оборудования. А оно в колхозе куплено во времена незапамятные. Ни Н.Н. Власова, ни управляющий Босоноговской фермой Ю.Н. Данилов не припомнили, чтобы во время их работы в хозяйстве покупалось новое доильное оборудование. Латают потихоньку старое, заменяют периодически резину на доильных аппаратах... Хотя сейчас уже к этим допотопным механизмам и запчастей-то не сыщешь.

Еще одна проблема – охлаждение молока на летних дойках. Она практически отсутствует. Заливать молоко в стационарный охладитель, находящийся на ферме, после того, как оно в течение всей дойки, как минимум два часа, находится на июльской жаре, – смысл невелик, ведь практически сразу молоко забирают молоковозы. Калининским дояркам сложно определить качество продукции индивидуально у каждой – доят они в бидоны, молоко сливается в общий бак. В общем, с имеющейся на наших фермах доисторической технологией очень трудно добиваться того качества, которое требуется для производства молочных продуктов последнего поколения – молока длительного срока хранения, йогуртов, различных молочных деликатесных продуктов... И, однако, другого пути у животноводческих хозяйств нет.

Сегодня все молоко с Босоноговской фермы забирает сыроваренное предприятие индивидуального предпринимателя Д.И. Сехниадзе. Грузинский рассольный сыр «Сулугуни», произведенный в Истошино, хорошо знаком покупателям не только нашего региона, но и Тюмени. Летом молока наверняка будет больше. Хотя, как говорит Юрий Николаевич Данилов, коровы-новоселы, в отличие от местных, с постановкой на стойловое содержание не только не снижают удои – напротив, увеличивают. Да и то сказать: кормят скот в колхозе досыта. Корма хорошие, рацион не беден. Торчащих ребер у здешних коров не увидишь.

Многого добились калининцы в животноводческой отрасли за последние несколько лет. Но и задачи перед ними стоят немалые. Не только о новой ферме мечтают здешние доярочки.

– Нам бы аппарат для определения качества молока, такой, как «Клевер», – вздыхают они. – Чтобы сразу можно было определить и жир, и другие показатели...

В принципе, задача не такая уж и невыполнимая.

Елена Аксенова.

ПОРΟΣЕНОК ЯША ПРИНЕСЕТ УДАЧУ

Бытует в народе поговорка: «И свиные бывает праздник раз в году». А вот нынешний 2007 год весь посвящен этим четвероногим. Для сельского жителя кабанчик – это мясо, сало, деньги, одним словом, палочка-выручалочка. И поговорим мы сегодня о делах поросенчатых, о том, как свинкам живется в личных подсобных хозяйствах.

Мы побывали в одной из самых отдаленных деревень района – Власово Зарословского сельского поселения, у Владимира Николаевича Яковлева. На его подворье имеется как крупный рогатый скот, так и небольшая свиноферма, которая и дает основной доход.

Дом Яковлевых со старенькими хозяйственными постройками расположился на западном конце деревни и мало чем отличается от остальных, разве что мощным автомобилем «Урал», стоящим возле ограды.

Встретил хозяин нас радушно и без всякого смущения показал свое подсобное хозяйство. Конечно, до идеальных условий содержания крупнорогатого скота и свиней подворью далековато, да и тесновато здесь, но вполне терпимо. В теплых помещениях размещены свиноматки и молодняк, более взрослые свиньи расположились в нескольких дощатых загонках. Владимир Николаевич с женой Татьяной Анатольевной содержат около двух десятков свиней и четыре головы крупнорогатого скота, включая телят.

А теперь краткая биография хозяина ЛПХ. Родился и вырос Владимир Николаевич здесь же, в деревне Власово. По окончании школы закончил курсы водителей, отслужил в армии и до развала совхоза «Южный» работал водителем в хозяйстве. Некоторое время шоферил в бердюжской «Сельхозхимии», в 1985 году женился. Супруги Яковлевы воспитали троих детей. Старшей дочери 26 лет, среднему сыну – 25, а младшему, что сейчас учится в техникуме, – 20.

После развала совхоза Владимир Николаевич организовал свое крестьянское хозяйство, взял 150 гектаров земли, в кредит приобрел технику для возделывания зерновых, но дела пошли неважно. Два неурожайных года отбили желание работать с землей, как и у многих других фермеров в районе в то время. На семейном совете было принято решение сосредоточить усилия на ЛПХ. В личном хозяйстве в то время у Яковлевых было более десятка голов крупнорогатого скота и около двадцати свиней. Большая часть выручки от хозяйства шла на погашение ссуды, кото-

рая еще и сегодня тяготит долгом. Да и детей нужно было учить.

Есть у супругов Яковлевых на будущее планы: расплатиться с долгами, а на новую ссуду обновить породу свиней, увеличить стадо, но предварительно произвести реконструкцию и ремонт помещений, улучшить содержание животных. Но это – в будущем, а пока Владимир Николаевич, как и остальные жители деревни, жалуется, что нет нормального рынка сбыта мяса свинины, низкие закупочные цены по сравнению с затратами на топливо и корма. Мясо приходится реализовывать через посредников-перекупщиков. Цены и условия мяскокомбината ООО «Дина» не устраивают. На рынке охотно берут мясо только нежирного молодняка, который производителю невыгодно продавать, а крупные туши идут за бесценок. С реализацией молочной продукции нет проблем, но вот только всех сдатчиков стригут под одну гребенку по сортности молока.

Чтобы выжить, крестьянин вынужден мириться с условиями, которые диктуют ему, а не он, как производитель.

Может быть, год Свиньи принесет сельским жителям лучшую жизнь, но пока крестьяне еще не уверены в этом. Хотя увеличивают и обновляют поголовье скота и птицы на своем подворье.

Валерий Еремин.

НАШ УЧАСТКОВЫЙ ТЕРАПЕВТ

Приятно и радостно слышать, что наши молодые земляки, выпускники Тюменской медицинской академии возвращаются работать в родной район. Окончив учебу в академии, вернулась работать к нам выпускница Уктузской средней школы, медалистка Ольга Александровна Ипполитова. Она участковый терапевт и зарекомендовала себя хорошим специалистом, добрым человеком. Мы гордимся ею.

Работает она у нас полгода, а сколько добрых слов прозвучало в её адрес. Приходилось наблюдать, как в регистратуре просят талончик на прием не только больные с её участка, но и жители Бердюжья. Значит, доверяют этому молодому, хотя и не совсем еще опытному врачу, верят в её знания, в доброе отношение к людям, ценят её терпение.

Когда Ольга Александровна работала временно в стационаре, она и там была на своем месте. К ней во множестве шли её пациенты из поликлиники, и, несмотря на загруженность другой работой, Ольга Александровна не от-

казывала им в приеме, хотя это нигде не учитывалось. А были и другие случаи. Вот один из них: до конца приема час работы, к Ипполитовой поступают больные с талончиками от другого врача. Смотрит Ольга Александровна на талончик и спрашивает: «Вы ведь хотели к другому врачу?» В ответ: «А там сказали, что уже закончили работу. Отправили к вам». Это был В.А. Артемов, житель Бердюжья, у которого было очень высокое давление. Улыбнулась Ольга Александровна и давай осматривать больного, сразу же была ему оказана помощь, поставлены уколы от давления, потом по её направлению больного пролечили в стационаре, а когда она стала работать на дневном стационаре, пролечила больного и там. Ну, как не поблагодарить такого внимательного, заботливого врача, не безразличного к чужой судьбе?!

Работая в стационаре, Ольга Александровна уходила домой не раньше двадцати часов вечера (вместо 16). И все у ней находилась работа: несколько раз зайдет в палаты, поинтересуется самочувствием больных, а уж тяжело больных посещала много раз. И в реанимацию сходит к своим пациентам, а потом допоздна сидит с документами, готовится к утреннему обходу. При обходе записывала все замечания, просьбы, пожелания больных, чтоб их выполнить. Добивалась мест для тех больных, которым необходимо было лечиться, сообщала им по телефону, чтоб приезд их был не безрезультатным.

Если у Ольги Александровны возникали сомнения по лечению, она шла за помощью к более опытным специалистам, особенно не её профиля (хирургам, инфекционисту). Своего рода консилиум по её инициативе помогал найти правильное решение.

Ольга Александровна всегда старается помочь больному лучшими лекарствами. А от её появления в палате всегда становится светлее, она, как лучик света, приносит радость, уверенность, надежду на выздоровление.

Мы желаем успехов своему доктору, желаем личного счастья, благополучия. Знаем, что Ольга Александровна следит за медицинскими новинками, повышает свои профессиональные знания. И самое главное – желаем ей всегда оставаться таким же чутким, душевным человеком, готовым в любое время прийти на помощь любому больному. Мы верим своему доктору и любим её.

Е. Кривых, А. Денисов,
Т. Сазанова, В. Артемов,
В. Алмазова и другие пациенты.

ПО СТРАНИЦАМ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

О ДОМЕ ТВОРЧЕСТВА ДЕТЕЙ

Я бы хотела рассказать немного о Доме творчества детей и юношества, где работают различные интересные кружки. Например, моя дочь занимается в кружке «Сувениры», в танцевальном кружке «Грация». На занятия бежит без ума, боится опоздать. Ей там интересно, ей хочется чему-то новому научиться, полезному. Вышивать и рисовать тоже учат. С танцевальной группой выступают по праздникам и перед кружковцами, и в молодежном центре. А в новогодние каникулы дети ездили в Ишим с выступлениями, приехали оттуда все с подарками.

Я хожу на родительские собрания в Дом творчества и можно сказать – просто отдыхаю там. Чувствуется такое теплое, доброжелательное отношение к детям и к взрослым. Все руководители кружков относятся к нашим детям, как к своим. Если надо – помогут детям одеться, девочкам заплести косички. Можно только удивляться, как это все у них ладится.

Праздники проходят интересно: и сценки там, и песенки, и танцы. Только не все это ценят, воспринимая как должное.

И все-таки тесновато в Доме творчества. Особенно на празднике, когда много народа. Детям поместиться негде, не говоря о родителях, гостях.

Я бы сказала районным руководителям так: придите, посмотрите! Детям нужен большой зал для выступлений. Построили новый районный Дом культуры, хорошо. Есть молодежный центр, тоже хорошо. А наши дети по-прежнему ютятся в детском садике «Солнышко». А он тесен. И еще скажу: это ведь наши дети растут, их надо учить хорошему, когда они маленькие, а не тогда, когда они начнут бегать по барам, по кафе, по дискотекам.

О. Яшкина,
с. Бердюжье.

БЕДА ОБЕРНУЛАСЬ РАДОСТЬЮ

В тот день был ужасный ветер, 15 метров в секунду, а сарайки наши были сухие и старые. Произошло их возгорание. Сгорели дотла.

С пожаром боролась пожарная служба, комхоз пришел на помощь. Спасибо им за это. Они не позволили огню перейти на другие постройки и жилые дома.

Пожар был сильнейший, сгорело 11 сараек, взрывались газовые баллоны, летели далеко раскаленные осколки шифера. Многие окрестные жители смотрели на пожар, онемев от ужаса. После пожара еще долго кое-где тлело и шел дымок. Пострадавшие ходили по пепелищу, у всех было одно горе...

Но горе не беда, если рядом с нами есть замечательные люди, которые откликнулись на наше несчастье. Огромное спасибо Ирине Юрьевне Фадеевой, главе Бердюжского сельского поселения, она дала технику и рабочих, в два дня убрали с наших глаз руины пожарища. Глава районной администрации Н.В. Теньковский совместно с руководством предприятий выделили для постройки сараек материал и нашли мастеровитых людей, чтобы построить сарайки заново.

Мы и мечтать не могли о таком обороте дел. За месяц строители проделали такую работу, так работали дружно и слаженно, что нам оставалось только радоваться!

Мы, пострадавшие, а теперь уже и счастливые, желаем всем, кто протянул нам руку помощи, здоровья, счастья, успеха в работе и благополучия в семье.

А. Грачева,
с. Бердюжье.

В ГОД СВИНЬИ УКРАЛИ ПОРОСЯТ

В январе с.г. в селе Зарослое из надворных построек по улице Садовой неизвестные лица похитили двух поросят, тем самым причинив ущерб хозяину поросят на сумму три тысячи рублей. По факту кражи возбуждено уголовное дело. Злоумышленники пока не установлены.

***

Из оставленного без присмотра клуба в деревне Нестерово Окуневского сельского поселения «предприимчивый» житель снял двери и оконные рамы. Похититель в ходе расследования выявлен и ждет наказания.

***

Из машинотракторной мастерской крестьянского хозяйства в деревне Воробьево неизвестные похитили запасные части от сельхозмашин на сумму 100 тысяч рублей. По факту кражи возбуждено уголовное дело, милиция разыскивает похитителей.

***

Еще два криминальных факта. Житель деревни Владово решил незаконно поохотиться на территории Уктузского сельского поселения и загубил четырех косуль. Сейчас он ожидает наказания за содеянное.

Там же, на территории Уктузского сельского поселения, житель города Тюмени незаконно произвел отстрел диких животных. Милиция установила личность браконьера.

ДРУГИМ ВО БЛАГО

В комплексном центре социального обслуживания населения Бердюжского района стало доброй традицией проводить благотворительные ярмарки для малообеспеченных семей. Обычно они проводятся в канун празднования Дня семьи, Дня матери и в августе, перед началом учебного года. Благодаря щедрости и доброте людей, которые откликаются на чужую боль, специалисты Центра собирают много добротных вещей: одежду, обувь, игрушки, книжки, канцелярские товары, которые находят своего адресата.

Летом и осенью 2006 года в Центр поступило очень много вещей из церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Благодаря кропотливой работе и заботе отца Сергия и матушки Надежды, более 200 семей получили материальную поддержку. Около 3000 единиц вещей было разобрано населением Бердюжского, Окуневского, Уктузского, Полозаозерского, Пегановского, Зарословского, Рямовского сельских поселений.

Т. Куликова.

ДОБРОЕ СЛОВО – ПАСТУХАМ

Добросовестные пастухи, к сожалению, сейчас редкость... И нам хочется сказать большое спасибо пастухам Чапаевского табуна Валерию Михайловичу Журавлеву и Ирине Анатольевне Савельевой за добросовестное отношение к своей нелегкой работе. За весь пастбищный период мы не знали горя, как владельцы скота других табунов. Мы твердо знали, что наши пастухи выгонят скот вовремя, и он вернется домой в целостности и сохранности, сытым. За все время никаких недоразумений не было. И мы хотели бы, чтобы В.М. Журавлев и И.А. Савельева и на будущий год не изменили своей работе и нашему доверию.

К. Шамардина, Л. Барабенова, В. Калугина,
Н. Ташланова, Г. Юшкевич, Н. Плоских.
с. Бердюжье.

«Мы любим своих зрителей...»

На вопросы редактора «Тюмени литературной» отвечает О. Ф. Егорова, генеральный директор АНО «Перспектива».

– По-старому вы, Ольга Федоровна, директор районного Дома культуры?

– Вот если бы только Дома культуры, а то много еще всего прочего на нас, к примеру, все библиотеки района в нашем ведении. Полномочия с комитетом культуры у нас разграничены таким образом: у нас зарплата и мероприятия, текущий ремонт, а капитальные вложения – у комитета.

– Многие не забыли еще старый ДК. Помню свой выпускной школьный вечер в том ДК... Долго он служил району, что однажды не выдержал да и обвалил свой потолок...

– С 1957-го по 2003-й годы служил.

– Нравится работать в новом?

– Нравится. Слава Богу, что он, нынешний красавец, вырос на том же месте. Место-то напетое! Это символично. Но возможностей для работы стало больше. Уютно, комфортно, простора много! Зрительный зал с балконом на четырехэтажном месте. Современная оснащённость зала, сцены, где и происходят все наши красивые и сердечные дела. В районе у нас 89 коллективов, восемнадцать из них работают в РДК. Три года, пока строилось здание, наши артисты обитали где угодно, например, в непригодном ангаре. Теперь у нас столько возможностей, будем стараться работать на высоком уровне. Есть у нас академический хор русской песни. Дебютировал на открытии ДК. Есть вокальная группа из этого коллектива. Есть образцовая хореографическая студия. Руководитель её уехал, усиленно ищем нового...

Вот танцевально-диско-течный зал с баром, где мы беседуем. Здесь проходят все профессиональные праздники. Также и платные мероприятия. Ведь мы из культурно-просветительного учреждения превратились нынче в культурно-досуговое. Слово «досуг» и предполагает эти платные мероприятия. Тут никуда не денешься: денег нам дают только на зарплату и на коммунальные расходы. На все остальное надо зарабатывать самим!

Есть у нас нынче и выставочный зал, который мы хотим превратить в художественный салон – для развития и поддержки местных талантов, не только живописцев, но и мастеров-ремесленников. Их у нас сорок шесть человек. К примеру, мастера «Золотые руки». Это звание им было присвоено на областных конкурсах. Назову Валентину Ларионовну Васильеву, которая мастерски, художественно вяжет на спицах.

– Вижу, развешаны масля-

лябинском институте культуры. На мои приглашения ответили семь человек. Супружеская пара для руководства народным хором. Супружеская пара фольклористов. Работают они сейчас в Челябинском театре. Но нет жилья и зарплата небольшая. Едут к нам, поскольку наша администрация района обещает им квартиру да и зарплата их наша устраивает. Словом, год-два и наладится наша жизнь и работа, уверена «загнем» мы на высоком профессиональном уровне!

Русский народный хор

ные полотна по стенам...

– Да, это наши местные живописцы! Очень перспективный, на мой взгляд, Антон Шумилин. Он учится в 9-м классе, успел поучаствовать в нескольких выставках. Здесь же картины Владимира Шевцова. Он работает руководителем стройбригады коммунальщиков. Есть еще работы живописца Ивана Макаровича Захарова...

– А как размещены коллективы самодеятельности?

– Для репетиций старейшего нашего коллектива «Золотой возраст» есть отдельный зал. Теперь там репетируют еще клуб общения ветеранов «Улыбка» и клуб медработников «Здоровье».

Дальше. Большой кабинет для хоров и оркестров. Мы возрождаем духовой оркестр. Любители этого дела уже собираются на занятия. Но вот пока нет профессионального руководителя. Ищем таких специалистов, приглашаем на работу. Недавно я была в Че-

ждем других музыкантов, в частности, руководителя эстрадного оркестра. Договорилась о приезде к нам студента института культуры, сейчас он учится на последнем курсе.

– Был я на открытии РДК. Всем понравился великолепный концерт. Вам помогли другие коллективы области?

– Выступали в основном – наши. Только два коллектива приезжали в поддержку: с Боровской птицефабрики и танцоры из ансамбля «Зори Тюмени».

Душой нашего коллектива были и есть семьи братьев Паникаровских. Сами братья, их жены. Сегодня остался только Виктор Михайлович Паникаровский, мой заместитель. Он 32 года работает у нас. Да и я уже 25 лет работаю в культуре. Мне всегда Виктор Михайлович оказывает компетентную помощь, участвует во всех делах.

Мы, бердюжские культурработники, гордимся, что из наших рядов «вышли» талантли-

вые супруги Ролевы – Алена Савина-Ролева и Олег Эмильевич. Руководит он ненецким профессиональным коллективом «Снежинка – Сэрэсэв», который бывал на гастролях во множестве стран, не только на сценах Москвы и других городов России. Мы поддерживаем связь с Ролевыми. И думаем, что их талантливый и известный в области коллектив приедет и к нам на бердюжскую землю с гастролями.

– С ветеранами сцены приятно. А есть ли достойная молодая ваша смена?

– Назову надежду Бердюжского района – Ирину Плясуну. Это дочь нашей сотрудницы. У неё замечательный голос, думаю, у неё есть хорошее будущее. Будем стараться, чтоб Ирина поступила в высшее учебное заведение, получила профессиональное музыкальное образование.

Немало у нас и других талантливых девочек, которым необходимо бы поучиться. Вот, к примеру, Татьяна Карначева из Истошино. В институт культуры она не смогла поступить, учится сегодня в Ишимском пединституте, но будем настаивать, чтоб Ира «ушла» в сторону культуры, ценя свой замечательный природный голос.

– Если действует в селе Дом культуры, если песни поются, если пляшут люди, дух творческий у народа не гаснет, значит, и село наше сибирское живет! Жизнь продолжается, семьи строятся, дела идут на поправку!

– Самое главное – мы любим своих зрителей. И я думаю так: какие бы временные проблемы перед нами не возникали, мы их будем решать. Мы здесь родились и выросли, мы любим тех людей, для которых выступаем на сцене, организуем всю другую работу в районном Доме культуры. На благо людей, их настроения, их светлых устремлений.

Конечно, важна и поддержка руководства района. А наш глава района Николай Владимирович Теньковский пестует нас, надо прямо сказать, заходит к нам, как домой к себе. И мы говорим ему – спасибо за поддержку!

Фото: русский народный хор.

Вопросы задавал
Н. Денисов.

Сергей Борисов

ВЕСНА

Зарыдали капелью сосульки,
В колке тетерев затоковал...
Наигравшись зимою в бирюльки,
Засучила весна рукава.
С каждым днем солнце выше
и выше
Поднимает над лесом она.
Дед Мороз поскользнулся
на крыше,
Сполз, потея, со стекол окна.
Спрыгнул в погреб,
но тут же поспешно
Отступил, чуя близкий конец.
Вслед ему, оседлавши скворечню,
Улюлюкает первый скворец.
С прошлогодней знакомясь
ботвою,
Огород изучают грачи.
И ревут, не смолкая, и воют
На совхозном дворе «пускачи».

1964 г.

СКВОРЕЦ

День начался –
теплый, ясный –
Скворушка и рад.
Посмотри, какой прекрасный
У него наряд!
Ты еще лежишь в постели
И мычишь во сне,
А уж он готовит трели
Солнцу и весне.
Зашипит, увидя солнце:
Хватит, мол, вам спать!
Ахнет дробью по оконцу
И пойдет свистать.
Прежде солнцу
гимн просвищит,
Родине своей,
А какие трели сыщит,
Чем не соловей!
(Тот ночами на кладбище
Для своей подружки свищит,

«Судьба моя – сибирская деревня...»

Этот – вот он, на виду,
Распеваает гимн труду!).
Соловьев у нас не видно,
Но в конце концов,
Нам нисколько не обидно:
Хватит нам скворцов!

с. Окунёво
1958 г.

Валентин Законов ЛАНДЫШИ

Ах, какие ландыши цвели!
Собирал их – белые, тугие...
Видно, вздохи теплые земли
По весне их к жизни пробудили.
Ландыши ты бережно несла –
Столько чистой радости
и солнца!
И звенели, как сама весна,
Белые тугие колокольца.
Только я ту радость не сберег, –
Колокольца падали, как слезы...
Прошагал я множество дорог
И другим дарил цветы и звезды.
Но готов у ландышей просить
Я прощенья и молитвь о диве:
Может быть,
удастся воскресить
То, что сердце
делало счастливей.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЕСНЫ

Я видел утром,
как взмахнув лучом,
Рванулось солнце на снега
в атаку!
Зимой ослепший домик за углом,
Прозрев внезапно,
в радости заплакал.
И снова с крыши
обрушилась весна,
Озвучив город звонкою капелью.
И сразу стала улица тесна
Из южных стран
пришедшему апрелю.
А он, лишь ковш небес
перевернув,
На землю пролил
синева потоки...
И каждая девчонка потому
Мне кажется сегодня синеокой.

с. Уктуз

Зинаида Замякина УЕЗЖАЕТ ПАРЕНЬ ИЗ ДОМА

Умом Россию не понять...
Ф.И. Тютчев.

Уезжает парень из дома,
Покидает родное село,
Где все близко,
Все с детства знакомо,
Где родиться ему повезло.
Покатилась слезинка у мамы,
Сын не может
волнения сдержать,
Он вернулся со службы недавно,
И приходится вновь уезжать.
Никогда бы он мать не оставил,
Не сменял бы на город село,
Этой осенью
свадьбы бы справил...
Всё не так, как задумал пошло.
Парень вовсе бежит
не от скуки,
Нет труда хлебороба родней,
Но в селе не нужны его руки,
Как и сотен таких же парней.
Скоро некому будет посеять.
Да и некому будет убрать...
Эх, Расея моя, ты, Расея,
Тебя вправду умом не понять.

с. Окунёво

Светлана Митрофанова ЛЮБОВЬ

Если вы любите крепко,
Боритесь за вашу любовь.
Любовь настоящая – редкость,
Но все ж добивайтесь её.
Пусть будет вам
горько, обидно –
Решите уйти или прощать...
Любите, страдайте, ищите,
Учитесь других понимать.
Но не разлучайте влюбленных,
Не стойте у них на пути.
Подумайте, может и с вами
Такое произойти.
Найдите себе свое счастье,
Пусть будет оно на двоих.
Но не разлучайте влюбленных,
Чтоб не было в мире чужих.

Пусть люди
все счастливы будут,
Чтоб в каждом надежда жила.
И каждый, спеша на свиданье,
Мог знать, что любовь одна.

с. Окунёво

Зарина Нак

СВЕРСТНИКАМ

И с каждым днем
наш мир меняется,
На нем вдруг что-то появляется,
А где-то точно убавляется,
Ну, словом, все преображается.

Так вот, в таком круговороте
Не часто все же, но срывается.
И на каком-то повороте
Ход жизни нашей замедляется.

И чтобы не было оплошностей,
Каких-то неудач и сложностей,
Вы душу вкладывайте в дело,
Чтоб счастье вас найти сумело.

с. Окунёво

Виктор Долушин

ПО ДЕРЕВНЕ

Вьется жизнь моя,
вьется дорожкой,
Окунёвским я улицам рад.
Я пройду по деревне
с гармошкой.
Где так много красивых девчат.

Где-то ждет и моя драгоценная –
Там, где ночи любовью горят.
Хороша же ты, ночка осенняя,
Когда льет золотой листопад.

А я к роце пройду, за околицу –
Ты ведь рядом у роци живешь.
Хоть покинь на часок
свою горницу,
Или принца какого-то ждешь?

Не напрасно ли ждешь
и волнуешься?
Может, большие никто
не придет?
Может, ждешь ты того,
с кем целуешься?
Может, принц за окном
уже ждет?

Прихожу я прямою дорожкой,
И любовь посылаю в окно.
И тоскую я вместе
с гармошкой,
Что не видел тебя я давно.

Вечер в звездах,
прохладный и синий,
Пахнет яблоной наш огород.
В деревнях бьется сердце
России.
Где российский кормилец живет.

с. Окунёво – г. Ишим

Альбина Маторина

* * *

Пронзительный ветер
Опавшие листья гоняет,
А дождь прибывает к земле
Их плотней и плотней.
Но вскоре снежок белизной
Все вокруг покрывает,
Зима посылает морозы
Сильней и сильней.
Озера и реки льдом-панцирем
Толстым покрылись,
А окна домов разукрашены,
Как хрусталем.
Да это морозы всю ночь
Напролет потрудились,
Ведь в каждом стеколке
Рисунок неповторим.
Но все, что холодной зимою
Вокруг заколдовано,
Приходом своим оживит
И разбудит весна.
А юность тем чудом природы

Всегда зачарована,
Особенно, если впервые
Пришли на свидание – он и она.
с. Бердюжье

Полина Ивлева,
ученица 10 класса

* * *

Судьба подарков нам не дарит,
И незачем нам чуда ждать.
Она одну меня оставит.
Я буду думать и страдать.
Потом года пройдут – забуду
И запах роз, и холод льда –
Я все прощу, любить не буду
И, может, все пойму тогда.
И, может, тучи разойдутся,
И солнце обогреет боль.
И враз две нитки разорвутся,
И враз не будет нас с тобой.
И враз не будет сожаленья...
Я улыбнусь и ты простишь.
Зачем все слезы и мученья,
Зачем пишу, а ты молчишь?
Прости! И я прощу, что можно.
И будет по-другому всё.
А в пепле догореть возможно,
Чтоб сердцу было горячо?!

* * *

Музыка осени – грусть.
И всё печальней строка...
Я так устала. И пусть
Будут дожди и снега.
Вальс закружит листопад,
Желтый, печальный, пустой,
Словно и сам он не рад,
Словно кричит он: «Постой!»
Только опять зазвучит –
И – покатишься слеза...
Музыка нежных обид,
Ветер горячий в глаза.
Слышу тебя каждый раз
И привыкаю уже.
Музыка – нежность для фраз,
Музыка – боль на душе.
д. Босоногово

Полина Ивлева

Светлана Митрофанова

Зинаида Замякина

Нравственные основы экономической жизни деревни

(Из доклада на конференции «Земля и церковь»)

Следует признать, что понятия экономики и нравственности взаимосвязаны, хотя наше общество едва ли отдает себе отчет, насколько эти связи объективны, насколько они влияют на само общество, и как можно управлять развитием этих категорий и их отношений.

Русская история со всей полнотой выявляет, что всякая революция, декларирующая политические и экономические преобразования, другим концом хлестко и беспощадно бьет по самой уязвимой и незащитной ипостаси человеческой и общественной сущности – по нравственности и морали.

Так было после семнадцатого года, когда православный русский народ в одночасье в массе своей отвернулся от Бога и царя, ввергнув Отечество в хаос беспримерной по жестокости Гражданской войны. Так случилось и после революционных событий 90-х годов, когда в сознание политически инфантильного народа были умело вброшены лозунги типа «Так жить нельзя» и «Личность превыше государства».

Большевики вынули из народа религиозный стержень, пытаясь заменить его надеждой на светлое будущее. Потребовалось время, сменились поколения. Власти понимали, что ничего нового придумать невозможно, и в моральный кодекс строителя коммунизма один к одному вложили суть и силу Христовых заветов, являющихся основой православной этики. Удивительно, но народ-атеист, оказывается, на генетическом уровне сохранил приверженность нормам и законам бытия предков.

Реформы девяностых годов в деревне были похожи на коллективизацию наоборот, в том числе и по методам. Правда, наганом в стол никто не стучал, но в Бердюжском районе, например, за одну ночь распустили большой совхоз, создав с десяток крестьянских хозяйств, которые скоро разорились.

Либералы получили власть, управиться с которой не умели. К руководству пробилась троечники из последнего ряда запасников. Имущество колхозов и совхозов обрело новых хозяев, еще вчера никакого отношения к крестьянству не имевших.

Надо учитывать, что деревня – это единый социально-экономический комплекс, хозяйственной основой которого были колхозы и совхозы, они строили жилье, школы, клубы, больницы и магазины. Они отправляли роженицу в роддом, и они же провожали селян в пос-

ледний путь. Советская власть при сем лишь присутствовала, сельские советы, ставшие администрациями, не имели ничего, чтобы содержать свалившуюся на них социальную сферу.

Я сорок лет в печати и в своих книгах представляю и защищаю сибирскую деревню, которая во все времена была хранительницей православной нравственности и чистой, без помарок, морали. Помню рассказы отца об общественной жизни в селе Афонькино Казанского района нашей области, как всем миром решали о строительстве моста через Прорву, открыто и честно делили сенокосы и пашни, как дружно и вдохновенно праздновали Троицын День в храме Пресвятой Богородицы.

Отношения в обществе регулировались с помощью нравственных норм, идейной основой которых были добро и милосердие, долг и справедливость. Есть законы писанные, они создаются людьми, а людям свойственно ошибаться, напротив, законы неписанные выработаны православным обществом за многие века следования духу и букве Нагорной проповеди Христа. Исполнение требований морали контролировало не государство, но общество, используя лишь две формы воздействия – одобрение и осуждение.

С духовным трепетом читаю архивные записи о «воспоможении строительству церкви» в моем родном селе людей состоятельных, «жертвующих серебром», и простых мирян, работающих «на лепке и обжиге кирпича», «на яме под основу храма»;

или решение «общества» о сборе по полпуда пшеницы и ржи с десятины посева каждого семейства в пользу крестьянина Демида Сухаря, лишившегося риги снопов при пожаре;

или пояснение священника Афонькинской церкви благочинному Ишимского округа о лишении причастия девицы Лукерья, «замеченной в блюде и винопитии».

Мой духовный наставник старец Тимофей Павлович Кузин, родившийся в 1912 году и проживший 93 года, построил едва ли не первую в Епархии новодельную церковь в селе Уктуз Бердюжского района. Человек глубокой веры, он так и не принял советскую власть, но за Отечество прошел всю войну, оставался крестьянином, но так и не вступил в колхоз. Архиепископ Димитрий назвал старца столпом русского православия. Основой всего он считал семью, вера в Бога была его идеологией, гарантом высокой

нравственности и духовной культуры. Задолго до известных реформ Тимофей Павлович говорил о неизбежном падении искусственного экономического уклада деревни, отнявшего у крестьянина способность мыслить и самостоятельно принимать решения. Не это ли стало одной из причин катастрофического падения аграрной экономики после роспуска колхозов и совхозов? Ведь есть отдельные территории, в которых и сегодня не обрабатывается ни одного гектара земли.

Многие селения моего родного края, не попавшие в зону активной экономической деятельности, являют собою картину грустную и даже трагическую. Окруженные полуразрушенными стенами бывших скотных дворов, гаражей и складов с пустыми глазницами окон, без крыш, они иллюстрируют негативную сторону деревенских реформ, их просчеты, ошибки и злонамерения.

Экономика – категория нравственная, только не в том смысле, который неуклюже кроется за известной фразой экономиста-либерала: «Нравственно все, что выгодно». Экономические перекосы прямо ведут к изменениям в человеческих отношениях, в образе мысли и в образе жизни. Одномоментно тысячи человек в деревне, кормильцев семей, людей самодостаточных, потеряли работу, прошли унижительную процедуру официального признания безработными. Выросло поколение, которое не знает труда и уже не испытывает естественной для человека потребности быть общественно полезным. В деревнях Бердюжского района количество занятых в сельскохозяйственном производстве сократилось в пять раз. Из редкого проявления, пресекаемого обществом, пьянство стало нашей повседневностью, создаваемые семьи нестабильны, каждый пятый ребенок воспитывается без отца, редкостью стали двое детей в семье. Моя деревня знает наркоманию и СПИД, помолодевшие кладбища и жестокие убийства.

Неблагодарное это дело – искать виновных, но нельзя продолжать делать вид, что в нашем доме все нормально. Государство до нижней отметки снизило свой интерес, свое родительское внимание к сельскому гражданину. Вопреки благородным декларациям, простой

Н.М. Ольков – наш постоянный автор, лауреат премии Тюменской областной администрации «Публицист года» (2005) им. К.Я. Лагунова. Живет в Бердюжье.

* * *

Благо, находящееся в душе, считал Аристотель, «самое высокое». Оно включает в себя три проявления: «разумность, добродетель и наслаждение». Из этих трех проявлений человек в последнее время предпочитает лишь наслаждение. Ему он подчинил все тенденции русской культуры. Вопреки здравому смыслу он вознамерился добывать себе жизненные блага с наименьшими затратами времени и энергии. Сохранившееся время и энергию он решил использовать на отдых, развлечения и удовлетворение своих пищевых, сексуальных и прочих гедонистических инстинктов. В итоге численность его стала непомерно расти, а земные ресурсы бесконтрольно и безвозвратно использоваться и уничтожаться. Как следствие этого его физическая красота и душевная гармония стали терять свою эволюционную адаптивность. Былая адаптивность его традиционных, природосберегающих культур уступила место всеразрушающему научно-техническому «прогрессу». Этот прогресс обернулся регрессом красоты.

Подобная разрушительная культура формирует нового человека, не созидателя, а разрушителя. Разрушителя красоты природы, красоты человека, красоты его творений. Настало время остановиться и задуматься, проанализировать: почему исчезает красота? Возможна ли будет жизнь без неё, а если возможна, то что это будет за жизнь?

Юрий Новоженев.
«Социобиологический
анализ прекрасного»

Рис. И. Холомьевой

деревенский житель все еще остается на задворках государственных интересов. Печально, что все это происходит на фоне стабилизации, экономического роста, мощного стабилизационного фонда и удвоения ВВП. Возможно, что-то изменится при реализации приоритетных проектов, хотя сегодня в деревне заметных перемен пока нет.

Думающих людей возмущает неестественный оптимизм электронных и печатных СМИ, их безудержный краковяк с властями, бессовестное преклонение перед золотым тельцом, полное отсутствие анализа обстановки и объективной картины сельской жизни.

Нельзя оставлять на произвол судьбы деревню, давшую жизнь всему сущему на русской земле. Ставка на крестьянско-фермерские хозяйства провалилась, сегодня центр внимания сместился в сторону крупных товаропроизводителей, которых только по одному-два в районе. Фактически возвращаемся к тому, от чего пятнадцать лет назад с брезгливостью отrekliсь. Крестьянское дело стало частным и называется теперь аграрным бизнесом. Нравственность большинства предпринимателей далека от православных традиций отношения к служащему тебе как к брату. Низка заработная плата, слаба или совсем отсутствует социальная защита. Профсоюзы от деревни отказались. Странное дело: в сельском районе профсоюзная организация создана только в администрации района, для чиновников, но не для крестьян.

Случилось страшное: государство, власть не считают высокую мораль неотъемлемым своим атрибутом. Само существование сельского населения и остатки его духовности принесены в жертву экономической целесообразности. Так называемая оптимизация бюджетных затрат на социальную сферу широкозахватным лемехом прошла по деревне, выкорчевав больничные койки, школьные парты, скамейки клубов и книги библиотек. С одной стороны, нельзя не понимать, что условия Центральной клинической больницы в каждом селе не создашь. С другой стороны, безнравственно мерить заботу о человеке рублем затрат, не по-русски это, не по-христиански. Нужна золотая середина. Найдена ли она – всякий скажет по-своему. Но вспоминается Александр Блок, в послереволюционном Петрограде читавший лекцию только для одного слушателя, поскольку из-за непогоды аудитория не собралась.

Я убежден, что нравственность народа должна стать предметом постоянной государственной заботы, частью внутренней политики и, если угодно, – основной национальной идеи, о которой много говорят, но которая до сих пор не сформулирована.

Мне кажется, мы упустили момент пылкого, искреннего обращения нашего народа к Богу, когда еще при советской власти была легализована религия. На освящение церкви Тимофея Павловича в 1990 году собралось до пятисот человек, в первый год крещение приняли две

тысячи бердюжан. Через восемь лет по благословению владыки Димитрия и при духовной поддержке старца Тимофея мне выпало счастье построить церковь в районном центре Бердюжье. Тогда стало очевидным, что эйфория прошла, вспыхнувший интерес народа не был вовремя подхвачен, и сегодня даже на большие праздничные службы собираются не более двух десятков прихожан из пяти тысяч, проживающих в селе.

Горько видеть, что утратила свое былое значение сельская интеллигенция. Ей тоже не сладко в деревне, но общественного значения эта категория людей уже, к сожалению, не имеет. Хочу обратиться к авторитетному мнению нашего тюменского земляка Николая Мартеньяновича Чукмалдина, который считал первейшим долгом интеллигенции «радение о благе общества».

Не хотел бы политизировать свою позицию, я сугубо беспартийный русский человек, но совесть не позволяет говорить другие слова. По большому счету, и для меня, и для моих земляков не имело бы особого значения, какого цвета флаг висит над сельсоветом, если бы человек чувствовал, что его государство его уважает. Не смену власти не приемлю, а ее последствия. Жалко, что наши вожди в молодые годы не читали Федора Михайловича Достоевского и не знают его выстраданный вывод, что ужасна всякая революция, результаты которой оплачены хотя бы одной слезой ребенка.

С. Бердюжье.

Из племени целинников

Начало моей трудовой деятельности в совхозе «Бердюжский» после окончания в 1954 году агрономического факультета Пермского сельскохозяйственного института им. академика Д.Н. Прянишникова совпало с бурными общественно-политическими событиями в стране, вызванными решениями Пленума ЦК КПСС по освоению целинных и залежных земель. Партия и народ в то время хорошо понимали, что страна должна поскорее покончить с послевоенной разрухой и в достатке дать людям хлеб. Поэтому освоение целинных и залежных земель на востоке страны, в том числе и в Тюменской области, стало общепартийным и общегосударственным делом, вызвало небывалый энтузиазм людей и желание принять непосредственное участие в этом важном деле.

В те годы на работу в село приехали рабочие промышленных предприятий и строительных организаций, специалисты народного хозяйства, активисты партии и комсомола. И хотя наш Бердюжский район по объему освоения целины не мог сравниться с Алтайским краем или с Казахстаном, однако и к нам приехало немало людей с Урала, из Тюмени и Ишима с целью принять участие в освоении новых земель.

Мероприятия по освоению новых земель в стране далеко не ограничивались энтузиазмом целинников. Были выделены огромные материальные и финансовые ресурсы. В числе других совхозы и МТС Бердюжского района получили в то время немало новых тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники, что, конечно, воодушевляло рабочих и колхозников, специалистов сельского хозяйства.

В числе целинников, приехавших из Ишима в Бердюжский район, был и Матюков Тагир Александрович. К тому времени он уже получил боевое крещение на полях Отечественной войны, имел награды, ранение и последнее время был на комсомольской работе в Ишимском железнодорожном транспортном узле. На новом месте, в Пегановской МТС, Тагир Александрович был простым рабочим, затем по направлению партийных органов возглавлял ряд первичных партийных организаций, хозяйственных структур.

Мое знакомство с Т.А. Матюковым состоялось несколько позднее. В то время я работал главным агрономом совхоза «Бердюжский», а его жена Матюкова Раиса Васильевна была избрана председателем Перво-Песьяновского сельского Совета, на территории которого размещался наш совхоз. С первых дней нашего знакомства Тагир Александрович привлек меня активной жизненной позицией, стремлением познать и освоить любое порученное дело. Да и в дальнейшем он жил по комсомольскому принципу – сначала думал о Родине, а потом о себе! Наше знакомство переросло в крепкую дружбу, которая семьями продолжалась до последних дней его жизни.

Мне довелось с Тагиром Александровичем поработать в совхозе «Бердюжский», когда я уже возглавлял хозяйство, а Матюков – торговую организацию – Окунёвский совхозрабкооп, обслуживающих рабочих совхоза. Партийный комитет совхоза в ту пору объединял всех коммунистов, работающих как непосредственно в хозяйстве, так и в других учреждениях и организациях, расположенных на территории сельского Совета. Поэтому нам вместе с Т.А. Матюковым и Р.В. Матюковой в составе партийной организации приходилось не только обсуждать, но и практически решать вопросы хозяйственного строительства, культуры, социального развития коллективов. Вместе с другими руководителями и специалистами совхоза мы постоянно бывали в произ-

водственных коллективах, принимали участие в организации важнейших сезонных работ – заготовка кормов, уборка урожая и организация зимовки скота. Все это в свое время приносило большую пользу делу!

Не мало хороших дел и успехов появилось на счету коллектива совхоза «Бердюжский» в части выполнения планов и социалистических обязательств, производства и продажи государству сельхозпродукции, внедрения новой техники, прогрессивных технологий. За достигнутые успехи по решению районных партийных и советских органов коллективу совхоза неоднократно присваивался районной школы передового опыта.

Как известно, к началу 60-х годов XX века зерновая проблема в стране была в основном решена. Встала очередная задача – существенно увеличить производство мяса. Для её выполнения партией и правительством была поставлена задача ускоренными темпами развивать скороспелые отрасли животноводства и, в частности, птицеводства. Для нашего хозяйства, располагающего большим количеством естественных кормовых угодий (озер), решено было сформировать новую для нас отрасль – утководство. Зная организаторские способности Т.А. Матюкова, партком совхоза поручил ему посетить утководческие хозяйства Ставропольского края, приобрести утиное яйцо и доставить его на Бердюжскую инкубаторную станцию.

Не буду излагать сложности и детали данной командировки Тагира Александровича, так как они совершенно очевидны. Скажу одно – в результате невероятных усилий Матюкова и огромной помощи секретаря обкома КПСС Ф.П. Щурова яйцо из Ставрополя было доставлено самолетом прямо на Бердюжскую ИПС. В дальнейшем в совхозе «Бердюжский» была запущена в эксплуатацию собственная ИПС, построены помещения для содержания маточного поголовья и выращивания утиног. Хозяйство стало ежегодно продавать государству более 100 тонн утиног. Появилось много уток на подворьях селян.

В 1965 году судьба свела нас с Т.А. Матюковым во вновь созданном Заводоуковском районе, куда я был направлен начальником районного управления сельского хозяйства. Тагир Александрович возглавил там строительную организацию. Это был страшно тяжелый период восстановления административных границ и хозяйственных связей прежних районов и хозяйств, разваленных во время правления Н.С. Хрущева. Общими усилиями удалось немало сделать по восстановлению дорожной сети, линий связи, совершенствованию производственной структуры, наве-

Т. А. Матюков (в центре) с сотрудниками совхозрабкоопа в с. Окунево

дению элементарного порядка в животноводстве и полеводстве. И, конечно, благодаря энтузиазму руководителей и специалистов хозяйств, помощи областных организаций, первого секретаря обкома КПСС Б.Е. Щербины кризис в районе удалось в короткие сроки преодолеть. Замечу, что в период восстановления Заводоуковского, а затем и Упоровского районов огромный объем работ был выполнен межколхозной строительной организацией, кстати, единственной строительной организацией на территории этих районов. В тот период был построен и отремонтирован ряд объектов производственного назначения, детских садов и школ. Здесь Т.А. Матюков проявил себя как ответственный руководитель и хороший организатор, заслуживающий самой высокой оценки!

Дальнейшая жизнь и деятельность Тагира Александровича была связана с городскими проектными и строительными организациями в Тюмени. Об этом периоде его деятельности могли бы рассказать другие товарищи, кто трудился рядом с ним. Но мы в этот довольно длительный период по старой дружбе находили время встречаться с ним и его семьей, обсуждать наболевшие вопросы, включая дачные проблемы. Особенно бурно проходили наши разговоры в период перестройки и демократизации, когда вопреки желанию народа демократы разваливали могучую страну – СССР. Имея большой производственный и жизненный опыт, нам трудно было понять действия руководства страны и местных властей, которые вели дело к развалу колхозов и совхозов, остановке промышленных предприятий, растаскиванию общественной собственности. Не понятны нам были действия и многих коммунистов, которые без всякого сопротивления отдавали демократам ранее завоеванные позиции, оказались «перевертышами» и предателями народных интересов.

Подводя некоторые итоги многолетнего знакомства и дружбы с Т.А. Матюковым и его семьей, хотелось бы прежде всего отметить искренность наших отношений, нашу постоянную заботу о судьбе нашей многострадальной Родины. Наша жизнь, как и жизнь большинства людей нашего поколения, полностью посвящена труду на благо Родины. Мы не имели и не претендовали на высокие блага, чаще всего довольствовались тем, что есть, и это определяло наши взаимоотношения в трудовых коллективах. Это было действительно равенство людей труда!

Уделяя большую часть времени и сил каждодневной работе, преодолению трудностей, мы иногда находили время и для отдыха. Для нас это был отдых на природе – сбор грибов и ягод, с наваристой ухой на берегу озера! В такие моменты Тагир Александрович любил поговорить о политике и спеть свою любимую песню «Подмосковные вечера».

В последние годы Т.А. Матюков принимал активное участие в работе Бердюжского землячества в Тюмени. Он вместе со всеми переживал развал хозяйств и экономики района в целом. Делился воспоминаниями о том времени и людях, которые потом и кровью создавали и укрепляли родной Бердюжский район.

Как жаль, что сегодня нет с нами Тагира Александровича Матюкова, наших добрых товарищей – А.А. Трофимова, Н.И. Чеглакова и многих других, кто в свое время выполнял ответственные государственные поручения и полностью отдавал силы и саму жизнь делу служения партии и народу. Особенно остро мы ощущаем отсутствие таких людей сегодня в смутное время, когда произошла небывалая переоценка ценностей не в пользу России и её многострадального народа.

А.П. Овчинников,
член Бердюжского землячества в Тюмени.

ГОДОВЩИНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

8 декабря 2006 года русские люди с горечью вспоминали о трагическом событии – 15 лет назад тремя государственными преступниками Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем был совершен Беловежский сговор, приведший к развалу исторической России.

Как известно, подписанное соглашение не имеет юридической силы, о чем мало кто вспоминает. Еще 15 марта 1996 года Государственная Дума РФ приняла два постановления, отменявших Беловежское соглашение, или, как его называют, соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Дело в том, что указанное соглашение было утверждено постановлением Верховного Совета РСФСР, не являющегося высшим органом государственной власти в Российской Федерации. Таким был на тот период Съезд народных депутатов РСФСР, а он не утверждал указанное постановление. Поэтому соглашение о создании СНГ не имело и не имеет юридической силы в части, относящейся к прекращению существования Союза ССР (исторической России).

С 1991 года по настоящее время де-факто мы живем в СНГ, Российской Федерации, «правовом государстве», но де-юре мы продолжаем жить в СССР (что подтвердит любой правовед и юрист-международник). Поэтому денонсация Беловежского «договора» означает не реставрацию коммунистического режима во главе с КПСС, а восстановление правового пространства и субъекта международного права, каким и был и до сих пор остается разрушенный в Беловежье СССР. Тем самым появляется реальная возможность в условиях возрождения России начать необходимый ей процесс восстановления великого государства, правового регулирования размежевания с государствами-новододелами, покровительства русским за «прозрачными границами» и принципиального непризнания административных границ, превращенных Беловежским сговором в границы государственного размежевания.

Решения Госдумы РФ от 15 марта 1996 г. о денонсации независимо от воли и понимания депутатов имеет еще и значение прецедента, так важного в международном праве. Наконец-то открывается путь (при соответствующих социально-экономических и военно-политических условиях) для решения проблем статуса государства, возникшего после заговора февраля, переворота 1917 года, в результате гражданской войны, потому что до сих пор Российская империя продолжает существовать и её наследие ждет своего законного хозяина. Это трудное дело, имеющее свои правовые сложности, но и его когда-нибудь надо будет начинать, чтобы не на словах, а, по сути и духу закона Россия вернула себе статус единой, великой и неделимой державы.

В будущем три славянские республики – Россия, Белоруссия и Украина неизбежно придут к объединению. Это даже не зависит от намерений политиков, потому что интеграция народов с едиными корнями predetermined исторически.

«Русский Вестник» № 26 (706) 2006 г.

Не стреляйте в прошлое!

Как практик и специалист сельского хозяйства внимательно слежу за тем, что пишут газеты, говорят по телевидению о деревне, сравниваю, делаю выводы. Пишут и те, кто не был связан с селом или руководил им из кабинета.

Обращусь к интервью директора департамента АПК В. Ковина «Не только пашут, но и живут», опубликованном в газете «Тюменская область сегодня» (17.11. 2006).

В. Ковин начинает с хвalebных строк: «Впервые за последние 5 лет каравай хлеба в бункерном весе вытянул на 1,5 млн. тонн, (хотя в 2001 году было 1,8 млн. тонн – В. Косяков), урожай составил 22,7 ц/га, в то время как по России 20,3 ц/га, по УРФО – 18 ц/га». Читаешь такое, и жить хочется, все хорошо, идем впереди России всей. Однако не все так гладко, как у Ковина на бумаге. Витрины и полки магазинов полны продовольственных товаров, но половина их завезена из-за пределов области. Я уж не говорю о покупательной способности населения. Не всяк купит сметану и колбасу.

Ясно одно: за счет своего производства нам себя продуктами не обеспечить, даже наполовину потребности, тем более, с населением автономных округов. Сегодня на финансовую помощь селу в бюджете области планируется всего 2–3 процента. Для сравнения: в Татарстане – 10%, а при Советской власти закладывалось 15 – 18%. В настоящее время много пашни заброшено – зарастает кустарниками, деревьями; поголовье всех видов скота упало до послевоенного уровня. Деревни выглядят уныло, сквозит бедность.

Чем же г. Ковин хвалится? У соседей тоже есть чему поучиться, прежде всего – экономности. Так в газете «Труд» за 8.12. 2006 г. в статье «Россия, которую мы выбираем» Д. Инсаров пишет: «Свердловчане в отличие от тюменцев, закупающих молочный скот в Австралии (он ошибся, закупаем в Нидерландах, Франции – В.К), разводят племенную уральскую «пеструшку». Как известно, эта порода дает больше молока (6,2 тысячи литров) и хорошее мясо (привесы не менее 1 кг). О затратах и говорит нечего. Они у свердловчан ниже, скот-то свой, не заграничный. А далее автор пишет, в п. Патруши Сысертского района построен молочный комплекс, и как заявил министр сельского хозяйства России А. Гордеев: «Ничего подобного я не видел ни в России, ни в мире».

Возможно, стоит посмотреть, что за «чудо» построили в Свердловской области. Но вернусь к рассуждениям В. Ковина: «Полученный хлеб 2006 года высокого качества, с хорошим содержанием клейковины. Тем не менее придется постепенно сдвигать сроки проведения уборочных работ до сентября.» А чтобы это сделать, В. Ковин рекомендует: «переходить на ранние сроки сева и раннеспелые сорта». После этих слов мне стало ясно, что В. Ковин не хлебороб. Хлеборобы-то хорошо знают, что сроки сева и сорта зерновых культур в южной части Тюменской области – главные факторы повышения урожайности и качества зерна.

Рано сеять – дело заманчивое, но рискованное. Как следствие снижается урожай, увеличивается засоренность полей. В этой зоне лучшие сроки сева для устойчивых

урожаев – вторая половина мая. Юг области почти ежегодно подвергается засухе, средняя продолжительность которой бывает более 30 – 35 дней. В эпицентр засухи, прежде всего, попадают тюменские хозяйства, расположенные на границе с Казахстаном, Омской и Курганской областями.

Мне пришлось длительное время работать в этой зоне в совхозе «Южный» Бердюжского района. В 1963 году здесь не было дождей (май-июнь-июль) – 43 дня, в 1965 г. – 75 дней, в 1971 г. – 63 дня, в 1975 г. – 81 день, в 1983 г. – 85 дней. В 1983 году только за счет поздних сроков сева получили – 12,5 ц/га, посев 24 – 27 мая – 16,4 ц/га.

И еще пример. Тот же совхоз «Южный» Бердюжского района – 1968 год. На 17 мая район посеял 21%, совхоз всего 0,9%, т.е. только что приступил к севу. Закончил сев 28 мая. Урожай зерна – в совхозе 18, 5 ц/га, а в районе всего 14, 5 ц/га. Такая же картина в 1972 году и в другие годы. Совхоз начинал сев на 7 – 8 дней позже, заканчивал в одни сроки с районом, уборку заканчивал раньше всех, как правило до 15 сентября.

Отдаю отчет в том и хорошо знаю, что в зонах, где расположены Тобольский, Вагайский, Аромашевский, Нижнетавдинский, Ярковский, Тюменский и Викуловский районы, мои коллеги-агрономы делают ставку на ранние сроки сева, о чем пишет В. Ковин. И это правильно. Но шаблона быть не должно. В. Ковину надо бы оговориться, о каких зонах он ведет речь в разговоре о сроках сева.

Теперь скажу о роли раннеспелых сортов в повышении урожайности и сокращении сроков уборки. В южной лесостепной зоне раннеспелые сорта дают урожай ниже, чем среднеспелые и позднеспелые сорта. Сев начинают средне-поздними сортами, а в последние сроки сева размещают раннеспелые (удельный вес 15 – 20%). В этом случае все сорта хорошо используют осадки второй половины лета и формируют хороший урожай. Однако раннеспелые сорта и в этом случае, как правило, урожай дают ниже.

Еще раз повторю избитое правило: качество уборки и её быстрота во многом зависит от качества комбайнов, организованного начала уборки, не допуская при этом простоев не только дня, но и часа. Иначе всегда будем праздновать день работника сельского хозяйства в ноябре.

Импортные комбайны хороши, но успех уборки урожая обеспечивают наши российские комбайны. Одиночки не делают успеха, даже если сидят за штурвалами импортного комбайна. Успех дела зависит от мастерства комбайнеров и невысокой нагрузки на зерновой комбайн. Сейчас нагрузка на один комбайн 300 и более гектаров, а была до «перестройки» 120 гектаров. В советское время российские комбайнеры намолачивали по 1,6 – 2 тысячи тонн за сезон. Хаять надо не комбайны «Дон», а тех, кто способствовал развалу СССР и потере квалифицированных кадров. Опытные мастера ушли на пенсию или на более оплачиваемые работы, а молодую смену за эти годы «перестройки» и «реформ» не готовили. Повсеместно закрыли сельские профтехучилища, специальные курсы. Помечтаем, что нынешняя власть купила новые комбайны – 1000 – 2000 штук. А кто будет на них работать? Мастеров-хлеборобов, как я сказал, не готовят. Не воспитывают гордость не только за труд комбайнера, но и вообще за труд жителя села. Молодежь не остается в селе: заработки нищенские. Вот чем, прежде всего, должен заняться заместитель губернатора Тюменской области В. Ковин.

Критиканы за годы «перестройки» настолько унизили наше, в общем-то многотрудное, но плодотворное прошлое, что порой кажется, что и жизнь прожита напрасно. В. Ковин в своем интервью сказал: «Советская власть почти на век притормозила развитие русского села». Большого абсурда не придумаешь. Так ветеранов сельского хозяйства еще никто не унижал, не оскорблял. И тем более странно слышать такие слова от бывшего освобожденного партийного деятеля КПСС в Ишимском районе. Наверное, В. Ковин не говорил таких слов коммунистам и беспартийным в ту пору? А призывал к победе коммунизма во всем мире! Спрашивается: когда говорил правду – сегодня, вчера?

За последние 15 лет Россия действительно отброшена на несколько десятилетий назад. Селянам «перевёртыши» и прочие демократы оставили одну нищету. Ельцинско-гайдаровские реформы развалили сельское хозяйство. Орловский губернатор Строев по этому поводу так сказал: «На селе самая большая безработица, смертность, самая низкая зарплата».

Мне непонятно, как В. Ковин – мужчина зрелого возраста мог такое написать о прошлом села. Напомню директору департамента агропромышленного комплекса области, что он должен и без напоминания знать: Россия при Советской власти производила зерна 125-130 млн. тонн, а сейчас производит только 70-75 млн. тонн. Производили на душу населения зерна 850 кг, сейчас 450 кг. Производили мяса на душу населения 76 кг, сейчас 25 кг. По выражению Гордеева – министра сельского хозяйства – «мяса баранины сейчас днем с огнем не отыщешь». Масла животного производили 833 тысячи тонн, сейчас производим 270 тысяч тонн. Россия сегодняшнего дня настолько отстала от Советской России и так обнищала, что потребуются не одно десятилетие, чтобы выйти на рубежи 1990 года по производству молока и мяса. В России в 1990 году было 30 млн. коров, осталось 9,6 млн., свиной было 40 млн. голов, сейчас – 14,2 млн. голов. Сейчас Россия по жизненному уровню, к сожалению, в конце даже стран СНГ, а по уровню общего жизненного благополучия Россия на 124 месте в мире! А в советское время Россия по жизненному уровню занимала 5 – 7 место среди всех стран мира.

Критикуя прошлое, а недостатки и промахи в государстве были, порой очень крупные, надо использовать в сегодняшнем деле и все ценное, что тогда было. В советское время хлеборобы и руководители всех рангов хорошо знали: в Сибири нельзя опаздывать с началом уборочных работ. В деревнях оставались одни дети да старики, все остальные работали в поле, на зернотоках, где было организовано трехразовое питание, торговое, а также культурное обслуживание сельчан – артистами, музыкантами, поэтами, и никто не уходил с поля. И это не красивые слова. Так было.

Приведу пример. 1961 год. Совхоз «Уктузский, где начинал работать агрономом. Посевная площадь 23000 га, во время уборки выпадали дожди. Мобилизовали все, что возможно, для уборочных работ. Уборку закончили к 1 сентября. Механизаторов и руководителей приехал поздравить первый секретарь обкома КПСС Борис Евдокимович Щербина, всеми уважаемый человек, и вручил директору совхоза машину «Волга».

В 1967 году Тюменская область удивила страну, завершив уборку зерновых и выполнив областной план хлебосдачи, засыпку семян и фуража к 7 сентября!

Позор тем, кто старается унижить прошлое. Память народная жива. Народные пословицы гласят: «Чем дальше в жизнь, тем дороже прошлое», «Кто стреляет в прошлое, попадает себе в глаз».

Виктор Косяков,
заслуженный агроном РСФСР.

Татьяна Мокрицкая

Родилась в деревне Тундрово. Окончила Тюменский университет. Бухгалтер-экономист. Работала по распределению на севере, в Уренгое, в объединении «Уренгойнефтегазгеология». В 1992 году вернулась на родину в Бердюжский район. Живет и работает в селе Старорямово. Стихи пишет со школьных лет.

ОДА РОДНОМУ СЕЛУ

*Нам не след забывать о минувшем, друзья,
Содержанье архивов достойно внимания:
В век семнадцатый наша родная земля
Приняла первых русских – для обжизвания.
Крепостей понастроили предки тогда,
Занялись ремеслом, скотоводством, землею.
Прямо здесь, на бердюжской земле, от врага
Отбивались – за крепкой стеной крепостною.
Назывался райцентр наш тогда слободой.
За мятеж пугачевский ссылали крестьян к нам.
Пусть была жизнь у предков не очень простой,
Но достойной была! Это точно, скажу вам.
Век за веком... И новое дело кипит,
Богородские ярмарки блещут недаром:
Всей Руси люд сметливый в Бердюжье спешит,
С заграницы купцы прибывают с товаром!
А по селам стояли тогда ветряки,
Рожь исправно мололи, крылами махая...
А потом были «красные» и «беляки»,
Семьи – надвое – шашками враз разрубая.
Здесь Колчак проходил по дорогам лесным.
При Советах крестьян всех сгоняли в колхозы.
Сколько слёз пролилось по буренкам родным...
Но, конечно, приспели и радости слёзы:
Когда трактор впервые увидел народ,
Когда школы открыли, чтоб грамоту знали,
Когда в клубах «крутили» немое кино,
Словно чудо из сказки тогда показали!
Помним все: и войны лихолетье, и голод,
Похоронок – одна за другой подряд.
Но не сдался народ – в зной июльский и в холод
Бабий выстоял тыл, победил наш солдат!
Улеглось. Полегчало. Жизнь крепнет и ладится!
Бездорожью асфальтом положен конец,
Школа новая, светлая, просто красавица,
И молочный завод на селе у нас есть.
А еще у нас люди живут работающие:
Пахут, сеют, рыбачат, сажают цветы.
Есть чеканчик и мебельщик – да, настоящие!
И с недугами травницы наши на «ты».
А еще говорят про село наше славное:
Воздух чист и водицы вкусней нигде нет!
Ведь не зря же отметила баба Татьяна
В январе юбилей свой высокий – сто лет!*

с. Старорямово.

БРАТЬЯ

В деревне Савино в многодетной семье Третьяковых 14 января 1948 года родился девятый сынишка Сашка. Ребенок рос непоседой, в обиду себя не давал, а так как в семье среди нас был самым младшим, то требовал обязательного внимания и защиты старших братьев.

Мы, старшие, смастерили на деревянном ходу коляску-кибитку, крытую сверху от дождя и солнца. Возили малыша по пыльным улицам нашим и по приозерным дорогам. И еще ребята деревни устанавливали очередность, чтоб покатать в «тарантасе» этом ребенка, то заснувшего, то орущего, требующего свободы. Одним словом, Сашка, как и старше его тремя годами брат Николай, проходил курс спартанского воспитания.

Наши родители работали весной, летом и осенью в поле, мы в методах воспитания имели полную свободу и эти методы отрабатывали на младших – Николае и Александре.

Когда Сашке шел пятый год, мы остались без отца. Начались труднейшие годы выживания всей семьи. Основным добытчиком и кормильцем была мать. Поднимать нас на «крыло» помогала тетка Орина, родная сестра отца, оставшаяся вдовой с тридцати лет – после расстрела в НКВД по ложному доносу её мужа Николая Моисеевича (реабилитировали в 1961 году).

Судьба брата Николая (родился 5 августа 1945 года) сложилась так. Для армии был признан не строевым, значился в запасе «для особого периода». Учился в университете одновременно с братом Александром, окончил его, затем служил в МВД, но, разочаровавшись в службе, ушел на гражданку. И затем до пенсионного возраста трудился в системе бытового обслуживания мастером по ремонту часов. Мастером он был хорошим, мог возродить к жизни любую модель часов, если она подлежала ремонту. И еще он был рыбаком, охотником, экспериментировал на своем садовом участке, строил, ремонтировал машины...

Ну а Сашка, подрастая, примерял мою флотскую бескозырку, жил мечтой тоже стать моряком. Не завершив учебу в средней школе из-за трудностей жизни того времени, закончил курсы шоферов, работал в совхозе «Глубоковский», пока не призвали на службу. Попал служить в морские части погранвойск. Сначала обучался специальности в «учебке» города Анапы, затем матросом-мотористом попал служить в Усть-Нарвский крайрайон – на Балтике.

И тут нагрянули события на острове Даманский, лопнул давно назревавший конфликт между Китаем и СССР, про-

лилась кровь, запахло крупным военным конфликтом с непредсказуемыми последствиями. Срочно надо было укреплять дальневосточные границы, возводить заслон против обнаглевшего соседа, бывшего пролетарского брата.

Май 1969-го года. Тревога, срочные сборы, погрузка на военно-транспортный самолет и полет в неизвестность. Ночью самолет сделал посадку, личный состав погрузился на автомашины и – к месту новой службы. Как позднее выяснилось, оказались недалеко от Благовещенска, на реке Амура.

Морской пограничник
Третьяков А. П.

Обстановка была накалена до предела: ежедневно на Дальний Восток шли воинские эшелоны, летели самолеты с людьми и техникой. Китайцы поняли, что им снова могут основательно дать по зубам, однако провокации продолжались. Бывшие братья по классу с помощью громкоговорителей на русском языке с того, китайского, берега, ежедневно вещали о своем, сквернословя, оскорбляя наших солдат, матросов, офицеров. Называли их имена – тех, кто находился в «секретах» и на палубах военных катеров. Шла усиленная идеологическая и психологическая обработка личного состава защитников дальневосточных рубежей, а также населения приграничных районов. С боевых китайских катеров в нашу сторону постоянно смотрели стволы пушек и пулеметов. Наши ежеминутно ожидали кровопролитной провокации. И конечно, китайцы крепко потрепали нервы ребятам, оглашая их с того берега Амура бо-

евой музыкой, маршами, слепя лучами мощных прожекторов.

За примерную службу Александру в июне 1970 года присвоили звание старшина второй статьи, наградили знаком «Отличник ВМФ». И в том же году брат демобилизовался, вернулся на родину, обзавелся семьей и, как я уже говорил выше, работал шофером, затем в отделе народного образования, следователем в бердюжской милиции. Ему предлагали службу с повышением в Березовском районе, север нуждался в опытных кадрах, но брат не захотел покидать родной район, подал рапорт об отставке.

В ноябре 2004-го Александра подстерегла смерть. Будучи больным сахарным диабетом, он начал резко терять зрение. При прохождении обследования в областной больнице (готовился к операции в Свердловском офтальмологическом институте) скоропостижно скончался, не дожив до пенсионного возраста...

Похоронили мы Александра вблизи могилы нашей матери Полины Васильевны. На новом бердюжском кладбище. Там теперь покоятся два дорогих мне человека...

Еще хочется подчеркнуть, что мы как воины – сам я, братья мои Анатолий и Александр, носили во время службы флотскую форму и охраняли дальневосточные рубежи нашей великой Родины – Советского Союза.

Брата Анатолия тоже нет уже на свете. После демобилизации он много лет трудился шофером автоколонны в Бердюжье, преподавал машиноведение в средней школе, затем переехал на жительство в город Петропавловск Северного Казахстана. Трудился там. Был он тоже, как многие сибиряки, отменным рыбаком, охотником, заядлым рассказчиком, имел много друзей. После тяжелой болезни скончался, похоронен на русском кладбище в предместье Петропавловска.

А недавно нашу семью настигло еще одно горе: умер брат Валерий Петрович, который много лет достойно трудился в Бердюжье. В некрологе, напечатанном в районной газете, есть такие слова: «Он был известным в районе руководителем, приятным и отзывчивым человеком. Присущие ему честность, порядочность, обязательность, преданность делу и трудолюбие останутся в памяти всех, кто знал Валерия Петровича Третьякова».

Светлая вам память, братья!

Леонид Третьяков.

Откуда есть пошла – земля окунёвская

Начиная свое повествование о земле окуневской, скажу, что я пользовался только рассказами людей старшего поколения и своих родственников, услышанными в детском и подростковом возрасте. Сейчас же спросить не у кого, я сам уже 73-летний старик. Известно, что записи о житие православного люда, велись церковниками. А церкви были разграблены, записи сожжены вместе с иконами, книгами и крестами в 30 годах прошлого века. Административные записи (в советах) тоже сгорели в Уктузской волости, куда входили тогда окуневские земли.

Поселение наше, которому сейчас более 300 лет, названо, бесспорно, в честь озера Окунево, ведь это поселение сначала хотели сделать возле этого озера. А само озеро Окунево, оно недалеко от современного нашего села, называли так, потому что в нем издавна водился окунь. Еще на моей памяти, в 1935–36 годах, зимой бригада рыбаков неводом ловила несметное количество окуня и карася. Помню, как проходя (я тогда ходил в детский сад) мимо усадьбы колхозного бригадира Федора Шмурыгина, увидел, что вся ограда завалена мороженными окунями и карасями, а более крупные рыбины были сложены как дрова в поленицы.

После этой рыбалки озеро стало зарастать водорослями (видимо, неводом был нарушен природный растительный баланс). Окунь, хотя и пытались его в последствии развести не раз, больше не приживался. Сейчас же когда-то чистейшая вода, полностью заросшего водорослями озера Окунево, не пригодна для питья, особенно в зимнее время...

Почему же наши предки, первые поселенцы, не стали селиться у этого славного озера с чистой питьевой водой?

Оказывается, по рассказам стариков окуневцев, вода из озера Окунево не очень-то годилась для производства хлебного кваса. А ведь квас и хлеб были основной пищей крестьянина тех лет.

Вторая причина: то место где сейчас стоит наше село, его легче было защитить от набегов разбойников, инородцев, кочевников, выставив кордоны только с востока и запада. Север и юг защищены озерами: Бердюжье (тюркское название) и Долгое (оно действительно вытянуто на 3 км в виде реки шириной 400 м).

А вот первый русский поселенец, по рассказам моей тети Феклы Алексеевны с 1905 года рождения (а она была человеком грамотным по церковной линии, умела не только читать по-старославянски, но и знала нотную крчюковую грамоту, прекрасно пела псалмы и молитвы), был старец Каргаполов. Видимо, был здесь старообрядческий скит.

Кто он?... Может, из Каргаполя Курганской, а может, из Архангельской области.

До революции 17-го года, фамилия Каргаполовых преобладала в нашем селе и может, это не случайно.

Если верить истории Карамзина, то в 1590 годах, при Борисе Годунове, были первые крупные заселения наших мест – Курганских, Тюменских и Ишимских. Селились же, конечно, хлебопашцы, работающие и смелые люди. Я представляю, какие трудности они испытывали, ведь все земли, пригодные для посевов, были заросшие лесом. Корчевка пней, распашка целины велась примитивными орудиями труда: топор, лопата, серп, соха – вот и всё почти. В помощь им – лошадь, бык, телега, сани. Но вольная жизнь без помещиков привлекала крестьянский люд.

Первые поселенцы, по Карамзину, были из Московии, Каргаполя и Перми. Отсюда можно судить о возникновении фамилий Москвины, Каргаполовы и Пермьяковы.

После раскола Православной церкви в 1660 годах, наверняка сюда потянулись верующие, не принявшие церковные реформы царя Алексея и Никона патриарха. До сих пор эта величайшая трагедия Русского народа не нашла своего успокоения. А пора бы уже подумать нашим патриархам, чтоб вернуться к единению, найти пути решения этой 400-летней проблеме. Хотя бы перед угрозой извращенного ислама.

Место, где стоит наше село, конечно же, было заросшее лесом: березой, осиной. Вырубая их, люди строили свои избы. Но с западной стороны (гнилой угол, как называли старики), лес не тронули, образовав таким образом роццу, защищающую нашу деревню от господствующих западных ветров.

К сожалению и к стыду, этот оазис нашего села на глазах гибнет под копытами скота, заваливается навозом и мусором. Некому заботиться о красоте и пользе. Старый, коренной люд, изведен почти полностью. А теперь народ, живущий в Окунево, в основном, отовсюду пришлый, выродившийся за годы Советской власти, не умеет беречь и жалеть природу, делая для себя же хуже. Временщиком стал народ наш...

Крестьяне, осевшие в Сибири, налогами не облагались и считались «царскими мужиками», но на войны привлекались.

Однако, была и вопиющая несправедливость: землю из государственных запасов давали только на мужской пол. Родился парень – получай землю, девка – нет надела. Мой прадед Ива Кондратьевич, примерно с 1850 г.р., народил семь дочерей и ни одного сына. Умер в нищете. После революции 1917 года эта несправедливость была, казалось, исправлена. В первый период НЭПа деревня бурно развивалась, стали крестьяне строиться. Мой отец Фома Алексеевич, женившись, перестроил домишко своего деда Ивы Кондратьевича, в котором я и сейчас живу. Стали организовываться ТОЗы (товарищеские объединения земле-

дельцев). При помощи этой организации крестьяне стали покупать более современные орудия труда: металлические плуги, конные косилки, веялки, молотилки и даже в Окунево появился трактор «Фордзон-путиловец». Отец мой, хотя и имел четыре класса образования, но был мужик пробивной – его выбрали председателем этого ТОЗа. В Окунево появилась мельница с нефтяным двигателем, хотя и ветряных было больше десятка.

Крестьянин знал свою землю, сенокосные угодья и даже лес был у него в наделе. Держали лошадей по 3-4 (обязательно был выездной конь, участвующий на гонках), и столько же коров, не считая овец и птиц. Это были так называемые середняки.

Были крестьяне, державшие по полсотни коров, имели свои лавки (магазины) – этих уже относили к числу богатых, как, например, Чашковы, но они, пожалуй, и были единственными при таком достатке.

Крестьянин знал, чем будет заниматься завтра и после – на весь год. Дети подраставшие, то же знали свои обязанности (кроме учебы), не шлялись постоянно без дела, хотя и у них были свободные минуты, свои потехи и игры.

Чтобы не нанимать работников со стороны, крестьяне имели большие семьи, подрастающие дети становились помощниками, работниками. Вот в этом и была сила Руси. Русские победили слабеющие татаро-монгольские орды своим быстро восстанавливающимся народом и укреплением государственной власти.

Думаю, что наша деревня Окунево, образовалась в одно время или почти, с такими деревнями как Уктуз, Пеганово, Бердюжье. Вокруг Окунева были поселения несколько меньше по размеру: с севера – Карьково, Песьяново, с юга – Савино, Нестерово, Тундрово. В Окунево с 1908 года были уже две церкви: старообрядческая и православная, а в перечисленных выше деревнях, церковей не было, кроме Савино. Так что Окунево было уже крупным селом и центром сибирского старообрядчества. До сих пор здесь имеются два кладбища, православное и старообрядческое.

У крестьян был, выработанный сотнями лет, свой уклад жизни и работы. Они в поле, у своих наделов, имели построенные избышки, где жили в период страдных работ, приезжая домой только в субботу, чтоб помыться в жаркой бане, а в воскресенье сходить в церковь. Избушки назывались по фамилии хозяина и население уже ориентировалось, куда нужно ехать или идти. До сих пор существуют названия Баяновская, Абрамовская избышки, а также полей-увалов: Фадеевский, Барсуковский, Васильевские ворота и другие. Хотя избышек, тем более их хозяев, давно нет.

Как отдыхали люди и было ли у них время на это?

Каждую субботу работали только до половины дня, в воскресенье отдыхали, ходили в церковь, работать в этот день считалось грехом. Кроме этого, были церковные праздники – не работали.

В зимнее время отдыхали больше: устраивали гонки на лошадях каждую неделю. Катались с горок-катушек даже взрослые. К большим праздникам готовили домашнее пиво, иногда медовуху, брагу. Был и кабак, в основном, для заезжего люда, из местных кабаки посещали единицы, как правило, не имеющие своих хозяйств, – батраки. Потом из них получились хорошие раскулачиватели.

В начале 20-х годов – люди слышали о Столыпинской реформе, и она даже поощрялась Советской властью. И мой отец Фома Алексеевич хотел даже построить дом не в деревне, а возле озера Степаново, где были его земли. Но как говорят: «Что хорошо немцу или американцу, то смертельно русскому». Зимой даже от волков не отбиться, не говоря уже от набегов разбойников и воров.

В начале 20-х годов в районе была организована коммуна возле озера Волково, что под Бердюжьем, но просуществовала недолго – года два.

После коллективизации был организован хутор возле озера Безгутское, где жили окуневцы, всех точно фамилий не помню, но одну семью я знаю хорошо – это Василий Ермилович Денисов с женой Екатериной Николаевной и старшим сыном Григорием. Это родители уважаемого нами писателя Н.В. Денисова, но прожили они там тоже очень мало.

С 1929 по 1931 годы началась повальная коллективизация, – это трагедия русского крестьянства, после которой мы не можем оправиться до сих пор. Лошади, скот и даже куры, были «обобществлены», проще сказать, конфискованы и согнаны в непригодные загоны, где от бескормицы, холода и болезней гибли сотнями. В стране начался голод, доходивший до людоедства. Товарищ Сталин написал тогда статью: «Головокружение от успехов». Какие же это успехи? «Успехи», что отобрали имущество у крестьян?

После этой статьи некоторым крестьянам вернули по корове (нашей семье тоже, но уже без отца), которая и спасла нас, четверых детей и мать Ирину Игнатьевну, от голодной смерти.

Лучшие дома (крестовые) были отобраны у владельцев, а сами владельцы были обвинены в кулачестве и сосланы неизвестно куда. Никто назад не вернулся.

Руководить колхозами и работать в них стали бывшие батраки, которые не могли и не умели держать свое хозяйство и, как правило, были не прочь выпить.

Через пару лет от тысячных табунов лошадей, скота и инвентаря, остались жалкие охрапотки.

Нашему селу Окунево выпала «честь», кроме колхоза «Красное знамя», быть еще и центральной усадьбой единственного в районе и области совхоза «Бердюжский». В «кулацких» домах разместились дирекция, политотдел и другие «важные» объекты. В совхоз входили вновь выстроенные фермы-деревни – за счет опять же «кулацких» домов. В Окунево их ломали и перевозили туда, на эти фермы. Таким образом, половина крепких домов села исчезли, остались только ямы и пятистенки, избы, крытые дерновыми пластами. Так возникли фермы-деревни: Чесноки, Глубокое, Желтое, Орлово – это на западе, на востоке – Одышка, Пегановская зимовка, Крутоберегово, Угрюмово. Исчезли и церкви – гордость окуневская. Одну перевезли на Глубокое, а из другой сделали клуб в Одышке.

Строились эти фермы с 1930 года и заселялись людом, сорванным коллективизацией или бывшими батраками из соседних деревень. Строились перечисленные фермы, как правило, на низких местах, поэтому часто затоплялись вешними водами. Помнятся случаи, когда жители фермы Одышка ставили сети на карася в огородах. Были разговоры, что директор совхоза Шмидт намеревался вызвать авиацию, чтобы разбомбить домашнее озеро фермы Одышка – с целью его углубления...

Говорю о новодельных в 30-х годах деревнях. И не надо их путать с теми, которым сейчас более 300 лет!

Последнее разграбление нашего многострадального Окунево было в 1954–1956 годах, когда повсеместно началось укрупнение колхозов. У нас это свершалось под руководством Поповой А.М. и карьковского председателя Степана Решетникова. Они, эти руководители, всегда захудалое Карьково сделали центральной усадьбой укрупненного колхоза. Окуневский сельский совет в принудительном порядке «перенесли» поближе к Карькову, в деревню Песьяново; из Окунево началось вытеснение центральной усадьбы совхоза «Бердюжский». Это было настоящей трагедией для жителей села. Старожилы наши это хорошо помнят. Председатель Решетников, чиня окуневцам многие притеснения, например, не только не давал женщинам и мальчишкам нашим брать ягоды в поле, «чтоб не путать траву», он грозился разломать всю нашу деревню, распа-

хоть увал, на котором она стоит, и засеять его коноплей. Несколько крепких «кулацких» домов Решетников, с благославления районной власти, все же раскатал по бревнышку и увез в Карьково. (Так и остался он с недоброй памятью о себе, этот Решетников!)

Жители Окунева, совхозники, тревожились о своей будущей судьбе, а некоторые уже начали строить дома у озера Степаново, т.к. там кем-то планировалась центральная усадьба совхоза. Дело в том, что земля под усадьбой совхоза в Окунево «считалась» не совхозной, а колхозной.

В 1956 году приехал в совхоз после института молодой агроном (окуневец) и прекратил эти безобразия, написав в Москву о том, что целесообразнее сделать укрупненный совхоз – на базе существующего и объединить в совхоз колхозные деревни Карьково, Песьяново, Савино, Нестерово и те, разумеется, которые были за совхозом.

(Этим агрономом был Анатолий Петрович Овчинников. Впоследствии он был и директором нашего совхоза, руководил Уповским районом, занимал крупные посты в области).

Далее – сельский совет вернулся в Окунево; а с 1957 года у нас возник укрупненный совхоз во главе с директором Кусакиным.

Какие же пути-дороги соединяли наши деревни, в частности, Окунево, с близлежащими городами? В старину в Ишим ездили на конях, естественно, в основном, на базар, ярмарки: продать скот, зерно и купить что-нибудь из одежды. Путь в город Ишим лежал мимо Засохлинского увала, с правой стороны, Баской гривы (роща) до деревни Смирново, далее – деревня Каратаевка и село Травное – 60 км.

В город Петропавловск ездили через Савино, Нестерово, Грачи, Дубынка, Сумны.

В райцентр Бердюжье была прямая дорога возле озер: Орлово, Глубокое, Волково.

В 1944 году фермы Орлово, Желтое, Глубокое, Чесноки были отделены от совхоза «Бердюжский». Организовался новый совхоз «Глубоковский» с центром в деревне Глубокое, затем центр перенесли в село Бердюжье.

Несколько слов о погодных условиях в наших местах. По рассказам моей бабушки Капитолины Ивовны (с 1870 г.р.), в конце XIX века (год не знаю) была страшная засуха в течение нескольких лет подряд: не родился хлеб, травы выгорали. Озера Долгое и Бердюжское высыхали почти полностью, покрываясь осокой и мелким камышом, где только и могли косить и жать траву для сена.

Голод был страшный. При нехватке кормов, разбирали крыши и стены стоек, набитых еще старой соломой, кормили ею скот. Но государственная помощь, хоть и незначительная, все-таки была.

Зимние холода в те годы были жуткие: замерзали птицы на лету.

В наше время подобная зима была в 1967–1968 году.

На моей памяти тоже были жаркие годы – это с 1935 по 1941 год, когда озера усыхали почти на половину, а в наших огородах вызревали арбузы, краснели на корню помидоры.

Весной в 1941 году резко увеличилось количество воды в озерах, и они поднялись до прежнего уровня. Старые люди сказали: «Будет большая война». Они не ошиблись. 22 июня и грянула эта война.

А еще в 1939 году, зимой, перед Финской войной, было знамение: половина неба была багрово-красной в течение недели. Старики пророчили войну и тоже не ошиблись.

В 1922 – 1923 годах был голод, вызванный сбором зерна красными продотрядами, вплоть – до семенного. вспыхнуло Ишимское восстание крестьян.

С 1930 по 1935 годы были голодные, когда у крестьян забрали всё в колхозы, которые не смогли накормить население.

С 1941 по 1947 годы, так же были голодные, вызванные войной.

С 1954–1957 год было освоение целинных и залежных земель – результат: не столько пользы, сколько убытка и вреда экологии.

В это же время было увлечение кукурузой – результат тот же.

С 60-х годов началось строительство агрогородов, с постройкой домов городского типа. В результате исчезли с земли деревни: Песьяново, Тундрово, Угрюмое, Пегановская зимовка, Орлово. На очереди Савино, Крутоберегово.

В данное время окурневские земли отданы в аренду Ишимского племсовхоза «Юбилейный». Казалось бы, все хорошо: собираются небывалые урожаи, пайщики получают зерно за свою землю, есть порядок, дисциплина. Но упор делается на минеральные удобрения, забывая, видимо, о гумусе и органике, что приведет вскоре к засолению почв и озер.

Мне, кажется, хотя я и не специалист, что Ленинская аграрная политика была самой лучшей за всю историю России, когда появились ТОЗы и кооперация. «Не надо трогать крестьянина», – говорил Ленин, и он был прав. Сейчас бывшие крестьяне, оторванные с корнем от своей земли, превратились в сельхозрабочих, потеряли навыки в работе и любовь к земле. А молодым людям уже ничего не надо и не жаль. Тонем в безнравственности и пьяном угаре. И примеры нам подает в этом телевидение, ни в чем не имеющее ограничений.

Значит кому-то это нужно?

Николай Каргаполов.

Пламень литературная

Л. Т. Филимонова
сегодня

***

Первого сентября 1950 года в нашем десятом «а» классе появился новый ученик – Миша Хронопуло. Его мать назначили председателем Бердюжского райисполкома. Так они появились в нашем райцентре, жили на улице Пушкина напротив старой аптеки. У нас в классе не было явно выраженного лидера, но класс был дружный, спокойный, правда, и ребят было всего двое: Саша Нечаев и Коля Солдубаев. Третьим стал Миша. Он очень скоро превратился в лидера класса, мы избрали его комсоргом. Кончилась с его приходом скука на комсомольских собраниях и различных мероприятиях. Мы научились говорить друг другу правду в глаза, но без обид и неприязни.

Михаил был отличным математиком, любил историю, читал много и даже газеты. Выделяло это Михаила, так как газеты мы читать не очень любили. Так что скоро Миша стал частью жизни всех одноклассников: помогал девочкам по математике, го-

товить политинформации. Ничто не обходилось без него.

Частенько мы всем классам собирались дома у Миши Хронопуло, разговаривали, танцевали, кто-то учил математику. Михаил стал душой класса. Ведь он был очень дружелюбным, как говорят, душа нараспашку. Мы любили и уважали его за эту доброту, честность, порядочность.

С появлением Михаила Хронопуло в школе утвердился новый вид спорта – баскетбол. Сам Миша уже играл, мы только начинали. Он организовывал соревнования по баскетболу. Участвовали команды от всех старших классов. Команды эти состояли из ребят, только наш класс выставлял смешанную команду, так как у нас ребят не хватало. Миша был центровым. Около двух метров роста, худой, подвижный, он успевал везде на баскетбольной площадке, потому наша команда всегда почти побеждала.

Экзамены на аттестат зрелости Миша Хронопуло с нами не сдавал. Его мать перевели на работу в Тюмень, в облисполком, и они уехали. Жили они в Тюмени на улице Республики, 58.

Знала, что Миша заканчивал двадцать пятую тюменскую школу, затем поступил в высшее военно-морское училище во Владивостоке, служил

успешно. Дослужился до полного адмирала, командовал до 1991 года Черноморским флотом.

Впрочем, о подробностях его морской службы я прочитала в «морском» номере «Тюмени литературной» (2006 год) в материале тюменской журналистки Ольги Ломакиной.

Было после школы всего две встречи у меня с Михаилом Николаевичем Хронопуло. Он приезжал в отпуск, и мы встретились в тюменском магазине – случайно. Миша покупал теплые платки для родных своих. Был он заботливым сыном и внуком... Второй раз встретившись, посидели у них дома. Это был уже возмужавший человек, но все такой же непосредственный, внимательный и добрый. Когда умерли его родные, он, по-моему, после их похорон больше в Тюмень не приезжал.

Было еще две виртуальные встречи. По телевизору показывали как корабли Черноморского флота под командованием адмирала Хронопуло пришли в Италию и был открыт доступ для посещения наших советских кораблей итальянцами.

Вторая телевизионная встреча – «горабачевские» события в Форосе в августе 91-го...

Встречи с такими людьми, как М. Н. Хронопуло – это навсегда.

Баскетбольная команда школы: Нечаев Саша, Солдубаев Коля, Торопова Люба, Абоняцева Фая, Хронопуло Миша, Она Золотухина

Николай Солдубаев – слева

Александр
Нечаев

***

Другие мои одноклассники – Саша Нечаев и Коля Солдубаев тоже поступили в военные училища и по службе были связаны с морем.

С Сашей Нечаевым мы выросли вместе на одной бердюжской улице Советской с шести лет. Вместе пошли в первый класс и заканчивали десятый. Как сказала, он стал военным, закончил училище, служил в морской авиации под Мурманском.

Саша Нечаев был добрый человек, мягкий, спокойный, вывести его из себя было невозможно. Мы, девочки, могли доверить ему все наши секреты, знали, что он ничего не расскажет никому. Мы воспринимали его как брата, на которого можно положиться во всем.

Саша Нечаев служил в морской авиации долго, а выйдя в отставку в конце 70-х годов, с семьей переехал в город Азов. В живых его уже нет...

Коля Солдубаев появился у нас в шестом классе. Он приехал вместе с дядей Смирновым Дмитрием Павловичем, которого направили в нашу школу учителем химии. Родителей у Николая не было, воспитывал его Дмитрий Павлович (он в старших классах стал классным руководителем в нашем десятом «а» классе).

С Николаем мы дружно жили и учились, мы уважали его за честность и порядочность. Сколько раз мы его просили подсмотреть у Дмитрия Павловича варианты контрольных работ – всё бесполезно. Коля наш был стойким, никогда не подводил своего дядю. Порядочность – главная черта характера Коли.

После окончания школы он поступил в Энгельское военное училище, а потом был направлен на службу в дальневосточную бухту Золотой Рог – на остров Палиф. Служил долго на метеостанции этого острова. Сейчас живет в Твери.

Служить Отечеству, защищать его в наше время было престижно и достойно уважения. Вот и выбрали наши дорогие мальчишки нелегкие военные дороги в своей жизни.

***

Расскажу немного о себе и своих родных. Родилась я в деревне Перво-Песьяново Бердюжского района в 1933 году. Отец, Торопов Тимофей Анисимович, был участником Великой Отечественной войны, работал председателем сельского совета, затем в райисполкоме, откуда ушел на пенсию в начале 60-х годов. Мать, Федора Яковлевна, была домохозяйкой. У родителей было четверо детей. Старший сын погиб на войне. Другие учились, затем трудились на ответственных должностях.

Я после окончания средней школы училась в Тюменском пединституте на историко-филологическом факультете, окончила с отличием в 1955 году. И вся моя педагогическая деятельность прошла в Тюменском машиностроительном техникуме. Работала по совместительству в учебно-консультативном пункте Уральского политехнического института.

Муж, Арнольд Федорович Филимонов, инженер по образованию, прошел путь от мастера до директора Тюменского завода строительных машин. Проработал на этой должности 18 лет.

Сын Александр закончил медицинский институт, стал детским хирургом. Кандидат медицинских наук.

Есть у меня внуки – Дмитрий и Павел. Дмитрий – студент медакадемии, а Павел закончил юридический институт МВД, юрист. Есть правнучка – ей годик пока.

Считаю, что жизнь моя сложилась хорошо как в личном плане, так и в общественном. Я несколько раз избиралась депутатом Центрального района Тюмени, была заседателем городского суда. Награждена медалями и грамотами. И если бы пришлось начинать все сначала, то хотелось бы, чтобы все было также неплохо.

Любовь Филимонова.

Веннадий Сысоятин

ПЕСНЯ О ШКОЛЬНОЙ СТОРОЖКЕ

*Старенькая школьная сторожка
Не тепла стояла, не светла.
Оторвался ставешек окошка,
Крыша мхом зеленым поросла.
Здесь я рос.*

*Вставал на зорьке ранней,
Торопился в школу, на урок.
Сторожиха, тётушка Меланья,
Там звонила в бронзовый звонок.
Помню – он в руках её резвился:
«На урок, бездельники, зову!»
«Чей?» – меня спросили.*

*Я смутился:
Сирота. У тётушки живу...
Радостны ль убогие приюты?
Кто б сиротством*

*похвалиться смог?...
Потому и горькие минуты
Доставлял мне бронзовый звонок.
Но теперь мне часто-часто*

*снится
Самый близкий в мире человек –
Тетка, что сама-то, как синица,
Свой нехитрый доживала век.
А парнишку в люди выводила
И делилась каждым с ним куском.
В жизнь меня из школы торопила,
Погоняя бронзовым звонком.
Снится мне и давняя сторожка:
Вон – звонок на гвоздике, вот – я...
– Эх, помощник мой –
из чайки ложкой! –
Горько шутит тётушка моя.*

1954–1995 гг.

ВЕРБА

Так поздней осенью, порою,
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною,
И что-то встрепенется в нас...

Ф.И. Тютчев

*Что это с вербой? Конец ноября –
Верба ж цветет,*

*на ней пуха комочки.
Верба, зачем под прилёт снегира
Ты до весны взорвала свои почки?*

*Что это с осенью? Будто весна!
Верба безудержно грезит апрелем –
Сок по всем веточкам гонит она
Наперекор подступившим метелям.*

*Что это с сердцем? Как верба, оно
Тоже охвачено вешним порывом.
Или вторично ему суждено
Быть на веку молодым*

и счастливым?
1982 г.

О славных тружениках села

Вышел в свет двухтомник «Труженики сельского хозяйства земли тюменской. Далекое и близкое». В это замечательное издание вошли фотографии, строки о тех сельчанах наших, кто в годы военного лихолетья, послевоенного возрождения и последующие годы второй половины двадцатого столетия создавал, укреплял аграрный сектор экономики области.

Имена свыше четырех тысяч передовиков села составляют эти объемные книги. Под тем же названием в настоящее время готовится к выходу третий том.

Считаю необходимым назвать подвижников и меценатов, благодаря которым состоялось это издание. Прежде всего – это правление Тюменского благотворительного фонда имени П.П. Прокопьева. Поддержали издание – правительство области, областная дума, некоторые сельскохозяйственные организации.

Скажу о земляках. Три тома увековечат тех, кто достойно трудился в Бердюжском районе. В частности, десять человек, награжденных орденом Ленина, шесть человек, награжденных орденом Октябрьской революции, 67 человек – орденом Трудового Красного Знамени, орденом Знак Почета – 79 человек, один человек, награжденный орденом Трудовой Славы 2-й и 3-й степени, 29 человек – орденом Трудовой Славы 3-й степени. А также награжденные медалями «За заслуги перед Отечеством», «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть», «За освоение целинных земель». Присутствуют в издании и семь бердюжан, получивших в свое время звание «Заслуженный работник сельского хозяйства».

Виктор Косяков,
член Аграрной партии России.

* Чтобы помнили... *

Землячество – объединение уроженцев одной местности (живущих за её пределами) с целью материальной и культурной взаимопомощи.

Малая советская энциклопедия

Инициаторами создания Бердюжского землячества в Тюмени в апреле 2000 года явились – Третьяков Леонид Петрович, Денисов Николай Васильевич, Горбунова Ильда Рудольфовна, Екимовы – Владимир Иванович и Радиса Яковлевна.

Необходимость земляческой организации поддержали и те, кто недавно жил и работал в нашем районе: Котченко С.Г., Ашихмин С.Н., Березин Н.Ф., Комбаров В.Г., Филиппов Ю.А., Журавлева В.Н., подчеркивая особую роль земляческой организации в укреплении связей с родным районом, в оказании помощи престарелым, больным землякам, участникам войны и трудового фронта, вовлекая в состав землячества и молодежь. Ей, молодежи, есть с кого брать у нас пример.

К примеру, со знаменитого нашего спортсмена Аржилова Николая Андреевича, который родом из теперь уже исчезнувшего бердюжского села Тундрово.

Первую грамоту за первое место по лыжному гонкам на дистанции 10 километров Николай Аржилов получил учеником 9-го класса Уктузской средней школы.

1962, 1964 годы – он учас-

тник Всемирных универсиад: Швейцария, Чехословакия, золотая и бронзовая медали. 1965 год – Финляндия, Лахта. Получил звание мастера спорта СССР Международно-

я «простого» крестьянского происхождения, а мне довелось подниматься на высокие ступеньки почета за успехи в советском и мировом спорте...»

Старожилы. Художник Ю. Акишев

го класса (первый в Тюменской области). 1966-й – чемпионат мира в Норвегии. Награда – кубок короля Норвегии: за победу на первом этапе в эстафете, посвященной столетию норвежского лыжного спорта.

Далее – неоднократный чемпион Тюменской области, признавался лучшим спортсменом области. Подготовил семь мастеров спорта СССР.

Николай Андреевич как-то сказал в разговоре со мной: «Неоднократно в честь моих побед звучал гимн СССР! Вспоминаю об этом и с болью и с гордостью, что вот

Славилась и славится бердюжская земля заслуженными людьми, достойными, чтоб увековечить память о них. Вот недавно наша земляческая делегация побывала в районе на торжественном открытии памятных досок в честь Поповой А.М., Эйхгорна В. Э. в селе Бердюжье, а в Уктузе – Победоносцева А.В.

Еще одна веха в истории района. 1957 год. Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, в котором участвовали учителя Мелехинской школы Баянова З.Т., заведующая районной детской библиотекой Мали-

шевская М.Б., механизатор из Пеганово Попов И.П., а также первый секретарь райкома комсомола Екимов В.И.

В 2003-ем году Бердюжскому району исполнилось 80 лет. Этому событию был посвящен специальный выпуск журнала «Тюмень литературная». Вышло затем еще несколько номеров «ТЛ», посвященных бердюжанам. И настоящий номер, пятый, также, в основном, наполнен материалами о наших земляках, о делах в районе и в землячестве.

Тогда же, к 80-летию района, я стала собирать материалы о земляках. Работа оказалась непростой, но интересной. Мы изготовили объемный альбом, куда поместили фотографии, вырезки из газет, благодарственные письма, воспоминания и другие материалы. Получилась своеобразная история, точнее, часть истории земли бердюжской. Посетив район в декабре 2006-го года, наша небольшая земляческая делегация из Тюмени передала этот альбом в краеведческий музей района. Юное поколение бердюжан найдет там материалы о защитниках отечества, о тружениках тыла, о хлеборобах, о наших поэтах, писателях, спортсменах и так далее. Школьники могут узнать немало интересного о своих старших земляках, о их труде и успехах на благо бердюжской земли и всей нашей родной страны.

Валентина Ярмольчик
(урожденная Васильева,
с. Окунево).

Школа слёз и смеха

«Это трибуна, с которой можно свободно разьяснять на живых примерах вечные откровения человеческого чувства».

Гарсия Лорка.

Мысли знаменитого испанского поэта Гарсия Лорки о значимости театрального искусства я, негромкий мишенский парнишка из Бердюжской глубинки, вычитал уже во времена своей ранней юности. Но в нелегкую пору ученичества в Пегановской семилетке мы с верным дружкой Васькой Ящуклом, ставшим впоследствии знатным доктором в Омске, мечтали тогда о скромной школьной самодеятельности из самых простецких побуждений: себя перед сверстниками показать и чуточку повеселить одноклассников, еще не оттаявших от горько-военной печали.

Но первой серьезной пробой сил на стезе сценической, стали мои выступления в шестидесятые годы, когда я начинал учительствовать в Угрюмовской начальной школе. Читал перед односельчанами преимущественно басни С. Михалкова: «Как старик корову продавал», «Лев и кролик», «Заяц во хмелю». Иногда, осмелев, предлагал послушать свои сатиры, опубликованные в районной газете у редактора Розы Ковяткиной: «Орел и кукушка», «Сила моды», «Пьянчуга и пичуга», «Гроза лесов», «Грач и Крот». Принимали слушатели хорошо. Зал не жалел ладоней на аплодисменты...

А в школьные годы? Радостный, благодарный, немного растерянный, смотрю на аплодирующих и встречаю взглядом с отрешенно притихшей вдовушкой Настасьей и прижавшимися к ней малютками Тоней и Томой. В те годы Пеганово держалось на плечах вот таких двужильных крестьянок тружениц, у которых редко выпадало праздных минуток, чтоб пойти на концерт в клуб, что располагался во вчерашней церкви. Не все туда шли. Люди постарше не хотели видеть балаганство на святой территории. Их коробило от того, что церковь, недавняя краса села, была растоптана, обрушены были её главы-маковки, низвергнут колокол.

Мы же не задумывались тогда об этом!

Я (слева) и мои друзья – актеры из Омутинского народного театра

А старшие да еще религиозные люди не принимали поругания над святыней. Не принимала и Настасья, совсем не религиозная, моей басенной клоунады. Не принимали и мои две родные тетки – Ульяна Николаевна Шестакова и Ульяна Никифоровна Уросова. Хотя дядюшки и двоюродные братишки за меня сильно ликовали.

Ульяна Никифоровна, моя крестная, как-то однажды очень серьезно мне сказала: «Забыл ты, однако, Саня, как в церкви этой, где теперь клуб, крестила я тебя!»

Забыл, конечно. Да и не помнил, мал был тогда очень. А тетя Уля, лелька моя, несла меня на руках двадцать четыре километра проселочной дорогой от Мишино до Пеганово. Дождь шел проливной. А тетя Уля была в выходном ненешном зипуне. Набрякнув от дождя, зипун деревяно облегал тетушку, мешал ходьбе, наждачно обдирая ноги женщины. А она шла и шла...

Снесли потом этот клуб-церковь. Построили новый Дом культуры. А на месте церкви местные власти установили обелиск памяти в честь погибших на войне. И то хорошо! Приезжал иногда на родину, обосновавшись в других краях, стоял в печали у обелиска, на котором значилось и имя моего отца Евгения Ивановича, погибшего на Великой Отечественной...

Не уклонялся я от самодеятельности и в дальнейшем, работая в других селах. В Шабаново, например, играл в одноактных пьесах, пел в хоре и, конечно, продолжал декламацию стихов и прозы. Увлёкся Шолоховым. Читал юморные монологи деда Щукаря из «Поднятой целины». В пятьдесят седьмом в соавторстве с баянистом Вениамином Усовым сочинили песню, она была опубликована в «Тюменском комсомольце», предлагалась в репертуар первого областного фестиваля молодежи.

Когда ушел я из школы работать в газету, тоже не забывал о сцене. В Омутинском, где я прожил и проработал много лет, записался в народный театр, там режиссером был талантливый человек Григорий Лутошкин. Подружились мы. Также близко сошелся с другим человеком – актером народного театра Алексеем

Захаровым. Кстати, этому славному и даже знаменитому в те годы театральному коллективу служили добровольцы из нашей газеты «Ленинский путь» – корреспонденты Владимир Жерновников, Николай Денисов, Валентина Васильева, Клара Удот-Подьяпольская, редактор Владимир Меляков, также нынешний глава Омутинского района Валерий Шалабодов и другие видные люди райцентра.

Омутинский народный – был те-

атром с солидным репертуаром. Неоднократный дипломант Всероссийского и областных смотров художественной самодеятельности, имел высокий авторитет у зрителей. Не только у нас в поселке Омутинском. Гастролировали мы в Юргинском, Голышмановском, Армизонском районах, в Вагае железнодорожном, в известном селе Ситниково. Бывали и на тюменской сцене, в областном центре.

Ставили мы немало сложных классических произведений. Расскажу немного об «Иркутской истории» Арбузова, где мне довелось играть главного героя драмы Сергея Серегина.

Выступили в Тюмени, в том числе и на студии телевидения. Получили Дипломы областного управления культуры, мне достался Диплом участника Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности. Окрыленные, возвращались домой.

На железнодорожном вокзале в Тюмени ждем посадку на поезд. Ребята наши говорят, мол, тоскливо будет ехать, хорошо б пивка в ресторане раздобыть! С пивом тогда всегда было проблематично.

Пошли в ресторан, просим пива у официантки. А она в ответ: берите, мол, пейте здесь, но только не на вынос! И вдруг другая официантка, проходя мимо нас, остановилась, всплеснула руками и как закричит: «Сергей! Серегин! Так ты живой?! Моя дочка сегодня не спала всю ночь, плакала и плакала, едва успокоили! Прибегу домой, скажу, что видела Сергея Серегина, как вчера в театре, в нашем ресторане, пива просил... Сколько вам надо пива?» – «Ящичка, пожалуй хватит!»

Обратную дорогу до Омутинки труппа нашего театра ехала с пивом... благодаря силе искусства...ныне, наверное, не такой уж паразитической. А вот тогда!..

Впрочем, были и другие вовсе не забавные моменты в моей сценической работе. Вызывает как-то на «ковер» большой районный начальник: «Ты член бюро райкома партии?» – «Да...» – «Ты редактор районной газеты?» – «Редактор...» – «Ты солидный человек?» – «Да, вроде бы, солидный...» – «Так как же тебе не стыдно в театрах этих любовников изображать с поцелуями! Сколько можно Ваньку валять, комедии корчить! Покинь немедленно это клоуновское дело!» – «Так я же не для себя только, но и для народа...» – «Пусть этим желторотые мальчишки занимаются, кривляются для народа. А ты для народа своим большим журналистским пером газету серьезно делай, интересную для народа, но в лицее не лезь!»

Пришел я к режиссеру Лутошкину. Рассказываю. Он и смеялся, хохотал, и кипел-возмущался дубовости руководящего деятеля. Потом привел для убедительности некрасовскую строчку: «Сейте разумное, доброе, вечное! Сейте! Спасибо вам скажет сердечное русский народ...».

Продолжил я делать газету, продолжил и «лицедействовать» на сцене. Тепло об этом сейчас вспоминать.

Александр Шестаков,
член Союза писателей России.

Тюмень литературная

НЕОБЫЧНЫЙ ДРУГ

Сказка

«Деда. Деда, расскажи сказку!» – тербила за рукав своего далеко еще не старого деда быстроглазая Маринка.

«Ну и какую тебе рассказать? Про Кота в сапогах или про Дюймовочку?» – «Не-е-е, – канючила внучка. – Эти я знаю... Расскажи такую сказку, которую никто не знает!»

Задумчиво подняв к потолку глаза, дед Саша озабоченно почесал затылок и сказал: «Будь по-твоему, Маринка, будет тебе такая сказка. Слушай!... Лет двадцать, а может двадцать пять тому назад жила в далеком сибирском селе Бердюжье маленькая девочка. Была она чудо как хороша! Миниатюрная, с огромными голубыми глазами, белокурыми локонами и чудесными ямочками на пухлых розовых щечках. Да что там говорить! Кукла Барби и рядом не стояла! Вероника, так звали девочку, жила с папой и мамой в трехкомнатной благоустроенной квартире в самом центре села. Родители души не чаяли в своей любимице, с радостью были готовы выполнить любую её просьбу, желание или даже... каприз.

Но Вероника не была капризулей. Это была очень умная, добрая и воспитанная девочка. Её любили и всегда хвалили воспитатели в детском саду, учителя в школе ставили в пример одноклассникам. А преподаватели музыкальной школы так

просто обожали и молитвенно складывали руки на груди, когда она играла на фортепиано «Лунную сонату» Бетховена. И что самое главное, никто из детей не завидовал ей. Они любили Веронику и в чем-то даже старались походить на неё, приглашали в гости, старались подружиться. Казалось, что в её детской жизни все так прекрасно и безоблачно, что лучше и не бывает. Но иногда глаза девочки темнели, становились задумчивыми и внимательный человек мог разглядеть в них какую-то затаенную грусть...

«Что загрустила, дочка, может, купить тебе новый велосипед?» – спросил как-то папа. Вероника отрицательно покачала головой. «Вот удивил велосипедом! Возьму кредит и купим новое пианино, да такое, чтоб ни у кого в Бердюжье не было!» – звонко и самоуверенно вставила мама.

Девочка горько заплакала. Родители не на шутку всполошились, пытались выяснить причину дочкиной грусти-печали. Собравшись с духом, Вероника выпалила на одном дыхании: «Хочу щенка, маленького, доброго, умного! Чтоб глазки были все понимающие, носик черный и блестящий, а хвостик веселый! Я буду его кормить, выгуливать, мы будем вместе играть!»

Папа виновато отвел глаза в сторону и беспомощно развел руками. Он отлично знал, что чистюля-мама никогда не разрешит завести псину в вылизанной до лоска квартире. Любящая мама пыталась найти компромисс, предложив дочке купить дорогую мягкую игрушку, которая совсем как живая собачка и даже гавкает. Но Вероника ответила решительным отказом. Девочка никогда больше даже не заводила разговор о собачке и мечту о четвероногом друге спрятала далеко-далеко в своем маленьком сердечке. Родители успокоились и вскоре забыли про эту странную, по их мнению, просьбу.

Закончилась долгая зима с её снегопадами, холодными ветрами и ранними сумерками. Наступила долгожданная вес-

на. Поднялось ввысь небо, ярко засветило солнце, радостно запели птицы.

В один из выходных дней родители Вероники занялись уборкой гаража. И среди прочих ненужных вещей, предназначенных для вывозки на свалку, мама бросила в автоприцеп маленькие валенки, из которых дочка давно выросла. Вероника напросилась поехать с папой. Возвращаясь домой, девочка через стекло автомобиля увидела на дороге маленькое черное пятно и испуганно закричала: «Папа, осторожнее! Там на дороге черный щенок!» Папа засмеялся: «Никакой не щенок. Это твой валенок, видно свалился с прицепа – не хотел на свалку попасть!» По просьбе дочери папа остановил «жигули», поднял валенок с дороги и занес его в салон машины.

Дома Вероника самозабвенно начала работать над имиджем своего нового друга. Видя такое рвение, на помощь пришла мама. И вскоре, благодаря их стараниям, обычный детский валенок превратился в маленького задиристого щенка с умными добрыми глазками, блестящим носиком и веселым хвостиком. На семейном совете его назвали Дружком. Дружок стал добрым другом Вероники. Он охранял её покой, когда она спала. Внимательно и терпеливо выслушивал то, чем она не решалась поделиться даже с мамой или лучшей подругой. Он грустил, когда она уходила в школу и радовался, когда возвращалась обратно... Закончив школу, Вероника уехала из Бердюжья учиться в Тюмень, а Дружок ждал её приезда на каникулы... Вероника выросла, закончила институт, вышла замуж и у неё теперь тоже есть дочка. Ей столько же лет, сколько было Веронике, когда она впервые встретила Дружка на безлюдной дороге... «Деда, деда! Я догадалась! Вероника – это моя мама! А Дружок – вон он! Сидит в углу и виляет хвостиком, Он будет и моим другом, правда же!?»

Нина Истомина, учительница.
с. Бердюжье.

Сказки нынешнего бытия

Да простят нас коллеги из районной газеты «Новая жизнь» за заимствование отдельных строк, что очень сочно, сатирически рисуют картины «нонешней» жизни села. К примеру, по поводу претворения в жизнь нацпроекта АПК: «На Ильинской ферме (Казанский район) скотники буквально пинками и криками загоняли на место голландскую корову, которая то ли встала не так, то ли повернулась не в ту сторону... В Голландии, если корова в машину не хочет идти, так там консилиум собирают – думают, как её убедить пройти, куда надо», – читаем в «Новой жизни».

И поделом им, изнеженным европейкам! – подумали мы. Разве не знали куда ехали? Консилиум им подавай!

У нас, у бердюжан, эвон как поется-живется (напечатано):

«Мы, друзья-пенсионеры, И стоим, как пионеры, Потому что ничего уже Не страшно! Годы мухой пролетели, На слезка крылом задела... Постарели? Ну и что же – Не опасно!»

Или: «Среди нас народ есть разный, но зато он безопасный, хоть и «стасовку» порой он хлещет лихо! Только песни раздаются, Танцущанцы, да смеются, На другой день отсыплются – ВСЕ ТИХО!»

Замечательный русский артист и поэт Михаил Ножкин однажды написал и спел: «А на кладбище все спокойненько, исключительная благодать...». Но это так, к слову.

Собств. инф.

Михаил Абрамов

И было ясно всё тогда

Из поэмы

Михаил Артемьевич Абрамов, наш земляк из села Уктуз, ныне живущий в Туле, летом 1944-го, в неполных семнадцати лет, добровольцем записался в ряды Советской Армии, проходил учебу в авиационной школе и в училище, затем прослужил в армии офицером почти тридцать лет.

Михаил Абрамов автор многих сборников стихов, член Союза писателей России.

* * *

Танков вражеских лавина...
В русской кровушке снега...
И вождя два кровных сына
Храбро бились в РККА.

Страшный бой
        кител все шире,
Сталинград в огне пылал.
Получали мы в Сибири
Похоронки. Плач стоял.

Проводив отца в солдаты,
Помрачнела наша мать.
Я ж, как многие ребята,
Рвался тоже воевать.

Мама, мама... понимала,
Крестик свой сняла с груди,
Мне надела и сказала:
«Бог с тобой, сынок, иди!»

* * *

И я пошел. Ждала авиашкола,
Где я в тот год
        экзамены сдавал.
Меня вела путевка комсомола,
И председатель лично
        вдохновлял.

«Ты будешь асом! – говорил он.
– Знаю!
Тебе открыто небо, как и всем.
Деревню помни...
        Хоть я понимаю,

Страны защита –
        выше всех проблем!»
Родной Уктуз темнел
        у кромки леса,
Меж двух озер жил
        сталинский колхоз.

И вот уж постепенно,
        как завеса,
Село сокрыла рощица берез.

Я шел легко,
        посматривая в небо.
Прощай, прощай,
        родимая земля!
Картошины и тонкий
        ломтик хлеба
Не тяжелили путь через поля.

А в голове одно –
        не опоздать бы!
И вот прошел
        все восемьдесят верст.
И вижу станцииные усадьбы,
Вокзал и черный чудо-паровоз!

Теперь спешу, бегу
        в вокзальном гаме:

«Билеты есть?» –
        «Куда?». Рубли достал.
Кассир сказал:
        «Состав уж под парами...»
Рванул к нему я. И не опоздал.

* * *

И поплыли вдоль дороги
Прясла, как в родном краю.
Завороженный и строгий
В гулком тамбуре стою.
Петуховские поляны,
Сея пряный аромат.
Накатились валом сини
И отпрянули назад.

Зазеркалились озёра,
Зашептал вослед камыш.
Скоро, скоро я увижу
Козырьки курганских крыш.

* * *

Вот он, город на Тоболе,
Ну, конечно, он, Курган!
Тороплюсь я к летной школе,
Как марширует начальством дан.

Переулки, повороты,
Впереди дощатый мост.
Вижу «звездные ворота»,
У ворот военный пост.

Вижу: наши бердюжане,
Ну кого тут только нет!
Мишка-друг, Доронин Ваня,
И истошницы! – «Привет!»

Дали отдых – честь по чести,
Укоротили чубы.
А у всех на «нужном месте»,
Знак отличника стрельбы!

Землепашцы, лесорубы...
(Помню этот лётный класс!)
Кто-то славил Кожедуба,
То звучал: – Покрышкин-асс!

Рядом плац большой, как поле,
И плакат: «Держись, пилот!»
Так, друзья, по доброй воле,
Я попал в воздушный флот!

* * *

Красота и гордость –
  форма,
Форма первая моя!
Старшина сказал мне:
  «Норма!»
«Хорошо!» – кивнул и я.

Да, краса, как на картинке,
Не в мечтах, а наяву!
По ноге пришились ботинки,
По плечу шинель «бэ-у».

Шлем ушастый, по погоде,
Подобрал я без труда.
Где, в каком он был походе?
Конармейская звезда!...

Кавалерия носила!
(Не сердчай, браток-пилот!)
В то, что армия хранила,
Нас одели. И – вперед!

Привыкая к новой «робе»,
Где шеврон сиял светло,
Мы мечтали об учебе,
Нас же бросили... в село.

Принимая понемножку
Все превратности судьбы,
В поле рыли мы картошку,
Оказались – не слабы!

Помогли всерьез колхозу
И себе – осенним днем.
И картошку до морозов
Завезли в склады: «Живем!»

Нас помыли. Осмотрели.
Каждый будто бы воскрес!
И опять – в свои шинели!
А команда: «Едем в лес!»

* * *

С песней мы шагали до вокзала.
Рявкнул паровоз и вдаль понес.
Родина нам, юным, приказала
Дозреть под музыку колес.

День-второй
  поскрипывали нары.
День дорожный ослепила ночь.
Товарняк – во лбу сиянье фары –
Километры продолжал толочь.

Сколько их сквозило
  под вагоном?

Где ж тот лес?
  И как нас встретит он? –
Думал я. А мимо – эшелоны
Мчали спешно,
  видимо, на фронт!

Полустанки.
  Остановки где-то...
Покачался и затих вагон.
«Выгружайсь!» – взметнулось
  в синь рассвета,
Оборвав и мой тревожный сон.

* * *

«Рубим лапник для костра!» –
Объявил начальник...
Согревал нас до утра
С кипяточком чайник.

Звезды на небе цвели,
Падали кометы.
Что ж, я, парень от земли,
Выдержу и это!

* * *

Ползли, сменяясь туча тучей,
Над лесом небосвод ворчал.
И старшина

  в мороз трескучий
Нам опыт свой передавал.

Он брал топор
  спокойно в руки,
Назад немножко отступал,
По строгим правилам науки
Сосну, где надо, подрубал.

В нас силы юные кипели,
Бодрил нас сосен хоровод,
Мороз пронизывал шинели,
А по спине катился пот.

Но зубы сжав
  (ломило десны!),
Мы, поборов
  начальный страх,
Екатерининские сосны
Валили в девственных лесах.

Затем все дружно,
  хладнокровно
Мы сосны правили в рядок,
Потом, разделив их
  на бревна,
Таскали к полотну дорог.

И в товарняк обледенелый
Грузили, выбившись из сил.
А ветер, как осатанелый,
Опять над нами голосил.

* * *

«Тревога! На поезд! Тревога!
Попутным!» –
  кричал старшина.
В Курган нам открыта
  дорога, –
«Смелее, все спишет война!»

И втиснувшись в полувагоны,
В промерзлую толщу угля,
Опять мы считаем прогоны,
Удачей себя веселя...

Курган! Мы вылазим из ада,
Черны шинелешки «бэ-у».
И рушимся в снег, как снаряды!
Упал... Ощутил, что живу!...

* * *

Баня, высветив окошки,
Обещала пар и зной.
Санитару сдав одёжки,
Мы ныряем в жар парной...

Согрелись и потели,
И плескались от души!
А в дезкамере горели
Те, лесные, наши вши.

* * *

Все команды понимаем,
Мы уже – строевики!
К гимнастеркам пришиваем
Спешно – подворотнички.

День присяги –
                    праздник части!
Мы стоим к плечу плечо.
Представитель
                    местной власти
Поздравляет горячо.

А война грохочет где-то,
В смерче дыма и огня!
Помню ясно, как с портрета
Сталин глянул на меня!

* * *

Поле белое в окошке.
Застелил округу снег.
Для курсантов там рулѣжка,
В небо будущий разбег.

Там инструктор, словно сыну,
Опыт мне передавал:
Как садиться мне в машину,
Как в руках
                    держатъ штурвал.

Он на взлет давал команду,
И технарѣ взбодрял мотор,
Чтоб двукрылую громаду
Я сумел поднять в простор!

Время сжато до предела,
Тренируется братва.
Через месяц – гордо, смело
Поднимаюсь я в «ПО-2».

Все «фигуры» мне известны,
Изучил, держу в уме!
Их впишу я в поднебесье –
И при свете, и во тьме!

Красота – до горизонта,
За приборами слежу.
И, как в дом родимый, в зону,
Покоряя высь, вхожу...

Эх, успеть хоть одного бы
Сбить фашистского «орла»!
Жаль, что долог срок учебы...
И летал я. Служба шла.

Винтокрылые машины
Мы стремили в вышину.
А отцы уж шли к Берлину,
Завершали там войну...

* * *

Курганскую окончив школу,
Бугурусланом прошагал.
Потом, задорный и веселый,
Курсантом Чкаловским я стал.

Победа! И отпели трубы.
Парадный отсветился лоск.
Как все бывлые «лесорубы»,
Попал я на учебу в Вольск.

Стал технарѣм. И это нужно!
И завершив свой летный круг,
Попал в Германию на службу,
В местечко – Ораниенбург.

Казармы были мне по нраву,
Там снова встретил земляков.
Там мне, механику, по праву,
Стал подчиняться «Петляков».

Однажды – мы и не мечтали, –
Свой ратный исполняя долг,
Сам командарм

                    Василий Сталин
К нам прилетел
                    в гвардейский полк.

Он летунов считал за ровню,
Он многих поименно знал.
Прошли года, но ясно помню,
Как он классически летал!..

* * *

В семнадцать лет
                    нам доверяли смело!
В семнадцать лет
                    мы ели хлеб не зря.
И Родина с нас спрашивала
                    Дело
По ясным всем
                    законам Октября.

И были все тогда мы
                    на примете!
И были все тогда мы –
                    соль Земли!
И мудрого вождя
                    родные дети
Свой – вместе с нами! –
                    честно Крест несли.

г. Тула, 2005 – 2006 гг.

Тюмень литературная

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**Общероссийская общественная организация
ПРАВЛЕНИЕ**

119992, Москва, Комсомольский проспект, 13

№ 19

15 января 2007 г.

Губернатору Тюменской области
Якушеву В.В.

Уважаемый Владимир Владимирович!

1 января 2003 года Тюменское региональное отделение Союза писателей России, лишившись бюджетной финансовой поддержки, находится в бедственном положении. Писатели оказались брошенными на произвол судьбы, забыты. В настоящее время ответственный секретарь организации (председатель) еще работает «на общественных началах», то есть без зарплаты. Пришлось уволиться штатным сотрудникам – бухгалтеру и литературному консультанту. У членов Союза писателей и у молодых литераторов нет возможности бывать в творческих командировках, встречаться с читателями, проводить семинары и другие мероприятия творческого и общественного звучания, как было прежде.

Помещение, Дом писателей на ул. Осипенко, 19, этот памятник архитектурного зодчества сдан в аренду частным предпринимателям, которые вначале, под видом ремонта, выставили (выбросили) имущество тюменских писателей под открытое небо. И только после вмешательства депутатов и средств массовой информации за писателями оставили в доме две комнаты. Однако присутствие писателей на этой площади весьма шаткое: нет не только средств платить за коммунальные услуги и услуги почтовой, телефонной связи, но и существует угроза приватизации этого памятника старины, тогда «история» с выбросом на улицу может повториться вновь и безвозвратно...

При отсутствии Закона о творческих Союзах руководители многих областей России находят возможность оказывать поддержку своим писательским организациям, творческие люди живут полноценной жизнью – выходят новые книги, журналы и альманахи, проводятся литературные мероприятия, существует поддержка молодых литературных сил, писателей пенсионеров и тому подобное. Примером может служить Орловская, Кемеровская, Пермская и другие области, Ханты-Мансийский автономный округ...

Уважаемый Владимир Владимирович! Тюменские писатели неоднократно обращались в Правление Союза писателей России, в средства массовой информации с тревожными письмами. Организация, где работает немало талантливых людей, под угрозой прекращения её существования.

Президент России В.В. Путин в последнее время не раз высказывался о положении русской культуры, помощи ей. 2007 год объявлен «Годом русского языка».

Прошу Вас, Владимир Владимирович, помочь тюменским писателям решить свои творческие и бытовые проблемы. Полагаю, что это в силах сделать властным структурам Тюменской области, которая известна множеством славных и успешных дел на благо Отечества.

В. Н. Ганичев,
председатель Правления Союза писателей России,
член Общественной палаты РФ.

А ЧТО У НАС?

В конце минувшего года побывал в качестве гостя и представителя пишущей братии Кузбасса в Челябинске на 7-й конференции Ассоциации писателей Урала и Западной Сибири, также на церемонии вручения литературных премий им. Мамина-Сибиряка. В ходе конференции и неформальных общений с писателями проявился интерес к состоянию дел в писательских организациях на местах. Понятно, что в рамках даже одного творческого союза, жизнь местных организаций далеко не одинакова.

Обсуждаемый на конференции основной вопрос – о роли и месте писателя в современном обществе – неразрывно пересекается ещё с одним – социальным статусом художника слова в самом этом обществе. А они – как извечно философские: бытие и сознание. При этом, принято думать, сознание писателя априори должно доминировать над его бытием. По крайней мере, так хотелось бы считать обществу. А еще больше – его руководящей верхушке.

Взяв за основу тезис «У меня в кармане гвоздь. А что у вас?», хочу поделиться состоянием дел у нас, писателей Кузбасса.

Как и во многих регионах, в свое время нам не удалось избежать раскола. Появились две писательские организации: Союз писателей Кузбасса (СПК) и Кемеровская областная писательская организация, обе – в рамках Союза писателей России. Несколько позднее последняя первичная организация поменяла свою прописку с Кемерово на Новокузнецк и стала называться Союзом писателей юга Кузбасса (СПЮК). В последнее время наметилась тенденция «перетекания» из СПЮК в СПК. Таким образом, в Союзе писателей Кузбасса будет состоять на учете порядка 70 членов СПР. Географически наша организация (СПК) представлена городами Кемерово, Анжеро-Судженск, Белово, Березовский, Ленинск-Кузнецкий, Новокузнецк, Тайга, Юрга.

На общем фоне довольно невзрачной картины литературной жизни России (недаром ведь шутят: поэт в России больше не поэт) синусоида социального статуса писателя Кузбасса (и СПК – в целом), мне думается, уже преодолела нулевую отметку и потянулась неуклонно вверх.

Начнем с бытия. А точнее – места базирования нашего Союза. Три года назад усилиями председателя Правления СПК Бориса Бурмистрова, при финансовой поддержке федерального инспектора по Кемеровской области писателя Валерия Казакова и губернатора Амана Тулеева были осуществлены перепланировка и евроремонт помещений, в которых ютились обе организации, **были выселены все нелитературные арендаторы**, а отреставрированное помещение получило статус унитарного учреждения «**Дом литераторов Кузбасса**». В его штате теперь директор (он же выборный председатель правления СПК), секретарь, три ведущих специалиста и бухгалтер. В Доме литераторов имеется хороший и просторный «двухколонный зал» для проведения массовых мероприятий, оснащенный новой добротной мебелью, крупноэкранным телевизором, видеомagneтофоном и портативной видеокамерой. Помимо «приемной», «кабинета директора» и уже упомянутого зала, здесь находятся бухгалтерия, компьютерная комната, комната для ведущих специалистов и комната редколлегии журнала «Огни Кузбасса» (со штатными главным редактором и ответственным секретарем).

«Двухколонный зал» позволяет проводить массовые мероприятия: собрания, творческие встречи, вечера, заседания и занятия литературных студий «Притомье» и «Свой голос», организовывать выставки живописи, фотовыставки. Есть возможность кратковременной аренды зала и для сторонних

организаций на договорных условиях. Немаловажным, при этом, является и общение писателей друг с другом – встретиться и посидеть за чашкой чая.

Писатель без публичности – закрытый писатель, даже если он и гениален. Необходим выход к читателю. Такую возможность дает, прежде всего, издание нашего журнала «Огни Кузбасса». Благодаря областному финансированию, с 2004 года журнал стал издаваться ежеквартально, а с 2007 года переходит на 6-разовый выпуск. Журнал подписной, распространяется и в розничной торговле, по библиотекам.

Журнал исповедует открытость и гостеприимство для писателей всех регионов России и даже зарубежья. С недавних пор журнал стал выплачивать, пусть и небольшой, но гонорар. Молодым и начинающим авторам редколлегия журнала оказывает редакционно-издательский патронаж – в виде планового издания книг, как «Приложение к «Огням Кузбасса». За пять лет такого патронажа издано уже порядка 30 книг.

По инициативе журналиста и члена Союза писателей России Василия Попка один раз в месяц выходит четырехполосное литературное Приложение к областной газете «Кузбасс» – «Круг чтения». К слову, газетный номер с Приложением, в день выхода, уже к полудню невозможно купить ни в одном киоске города. Все авторы, печатающиеся здесь, получают вполне приличный гонорар.

Творческие встречи, проводимые нашими писателями в учебных заведениях, библиотеках и иных организациях, оплачиваются. Согласно заполненным путевкам – как через Дом литераторов, так и через СПК.

Одной из массовых форм творческой активности являются «литературные чтения», приуроченные к конкретным датам и именам. Традиционными являются общероссийские «Федоровские чтения», проводимые ежегодно в селе Марьевка Яйского района и «Чивилихинские чтения» – раз в пять лет, в городе Мариинске. Естественно, подобные мероприятия финансируются как из областного, так и муниципального бюджетов.

Помимо республиканских, по инициативе СПК и библиотек области, проводятся областные и городские чтения: «Воло-шинские», «Буравлевские», «Киселевские», «Бересневские» и другие.

Ряд библиотек области носят имена наших писателей: Кемеровская областная научная библиотека им. В.Д. Федорова, Кемеровская центральная детская библиотека им. В.Д. Береснева, Кемеровская библиотека Заводского района им. И. Киселева. Имя В.А. Чивилихина присвоено городским библиотекам Мариинска и Тайги.

Изречение «Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться...» стало программным и для опытных писателей-наставников. Под эгидой СПК ежегодно проводится открытый областной конкурс юных талантов с символическим названием «Свой голос». По результатам конкурса выделяется не только пишущая молодежь, но и определяется лучшая десятка, входящая в «Юные дарования Кузбасса», которым выплачивается ежемесячная губернаторская стипендия в размере 500 рублей.

Успешно проходят своеобразную литературную обкатку начинающие авторы в литературных студиях «Притомье» и «Свой голос» (Кемерово, руководители Сергей Донбай и Иосиф Куралов), «Свеча» (г. Юрга, руководитель Тамара Страхова), «Гренада» (Новокузнецк, Любовь Никонова). Широко известна за пределами Кузбасса литературная студия при Кемеровском государственном университете «Аз и Я», руководит которой поэт Александр Ибрагимов. На базе студии, при поддержке администрации университета и области издается красочный молодежный журнал «После 12».

В районном центре Ижморский, по инициативе писатель-педагогов Михаила Шеховцева и Юрия Мишуты еже-

годно проходят литературные конкурсы школьников района, посвященные памяти поэта и подвижника детского творчества Владимира Матвеева. Издаются школьные альманахи «Зернышко» и «Ижморские искорки».

По месту нынешнего жительства поэта Леонида Гержидовича, в живописном таежном месте, проводится молодежный поэтический фестиваль «Юго-Александровский родник».

«Весна в Притомье» – так называется целый комплекс литературно-творческих мероприятий, проводимых в течение недели в библиотеках, школах, лицеях, вузах, на предприятиях и организациях области.

С 2006-го года возродились литературные семинары с молодыми авторами, приуроченные к дням памяти создателя и первого руководителя Кемеровской писательской организации поэта Евгения Буравлева.

Все эти перечисленные мероприятия имеют финансовую поддержку городских и районных властных структур.

Не обойдены вниманием наши писатели со стороны Губернатора Амана Тулеева и администрации Кемеровской области – как в плане морального, так и материального стимулирования. За заслуги в области литературы практически все писатели к юбилейным датам (50, 55, 60 лет и т.д.) поощряются Благодарственными письмами, Почетными грамотами, ценными подарками и даже орденами и медалями местного достоинства. Помимо индивидуальных дат, награждения членов СПК осуществляются к юбилейным датам Союза писателей и крупным мероприятиям (40 лет Кемеровской писательской организации, 1-й Всекузбасский съезд литераторов и т.д.). На Губернаторском приеме по случаю проведения Всекузбасского съезда литераторов в январе 2005 года были отмечены: Благодарственным письмом – 15 писателей, Почетной грамотой – 7 человек, золотыми именными часами – 4 человека, медалью «За веру и добро» – 6 человек, медалью «За служение Кузбассу» – 4 человека, медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса 2-й степени» – 4 человека, звание «Почетный работник культуры Кузбасса» – 1 человек.

Одним из первых кавалеров ордена «Доблесть Кузбасса» стал поэт Виктор Баянов. Поэт Геннадий Юров – почетный гражданин Кемеровской области. Поэт Валентин Махалов – первый в области получил звание «Почетный работник культуры Кузбасса».

Все награды сопровождаются разовыми денежными премиями – от 2-х до 5 тысяч рублей. Кроме того, награжденные медалью или орденом, к причитающейся пенсии, ежемесячно получают надбавку в размере 75–100 рублей. А иные писатели имеют уже по две и по три таких медали.

Один раз в два года подводятся итоги по присуждению литературных премий имени В.Д. Федорова (в области поэзии) и А.Н. Волошина (проза, публицистика). Кроме звания лауреата, разовая литературная премия составляет 60 тысяч рублей. Так, в 2006 году, в «Круге чтения» опубликованы имена номинантов на литературную премию (по 14 авторов-номинантов на каждую литературную премию).

И еще. Едва ли не самое важное. По соглашению между Правлением Союза писателей Кузбасса и Губернатором Кемеровской области Аманом Тулеевым – сорока пяти писателям Кузбасса и юга Кузбасса, являющимися членами Союза писателей России, с 1 января 2007 года выплачивается ежемесячная губернаторская стипендия в сумме три тысячи рублей.

**Виктор Арнаутов, г. Кемерово,
член Союза писателей России.**

Послесловие «Тюмени литературной».

Что сказать? Похвальные и завидные отношения между властью и тружениками пера в Кузбассе.

Чего, к сожалению, нет в Тюмени.

Тюмень литературная

КОМУ НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ?

Убежден, в нынешней России самые обездоленные – писатели, и чем талантливее, тем обездоленнее. И крестьяне, и инженеры, и врачи, и офицеры как-то приспособляются к нынешнему рыночному режиму, находят свое дело, и уже начинают привносить свою лепту в новое развитие России. Писатель беспомощен, он не вписывается в рынок никак. Он не нужен сегодня пока ещё никому, ни новому бизнесу, ни элите, ни оппозиции, ни правящему режиму.

Сразу скажу, что речь идет не о рыночных литераторах, не об удачливых беллетристах, не об авторах фэнтези и детективных сериалов, которых я не собираюсь осуждать, они честно делают свое дело, они приносят пользу людям, они умело подхватывают все темы, которые востребованы обществом, лихо выдают на-гора сюжет на заданную тему. Боюсь, что наш президент, в силу своей малокультурности остановившийся на американских боевиках и исторических бестселлерах Эдварда Радзинского, искренне считает подобную беллетристику литературой и потому не задумывается о положении национального русского писателя в обществе. Мол, рынок всё определяет, кто покупается нарасхват, тот и силен. Я не собираюсь мечтать о былых миллионных тиражах для серьезной литературы, для психологического и социального романа, для поэзии и драмы. Но такого трагичнейшего положения в литературе нет ни на Западе, ни на Востоке. Всё-таки тиражи и гонорары самых серьезных и талантливых писателей современного Запада не столь смехотворны, как наши. Бескультурье общества только нарастает, и боюсь, когда следующий президент поймет опасность культурного провала нации, будет уже тяжело менять положение.

Нефтью от бескультурья не откупишься, и поведение наших олигархов в Куршавеле лишнее тому свидетельство, они, может быть, и рады бы по-другому себя вести и по-другому бешеные деньги тратить, но не знают, как. Меценатства как не было так и нет. Поддерживать писателей и поэтов не престижно, не модно, не востребуемо. Нобелей на нашем финансовом горизонте почти не видеть. Виктор Столповских со своей литературной премией «России верные сыны» – редкое исключение.

Замечу, что литература почти одинаково не востребована – любой идеологической направленности. Наши либеральные писатели и поэты, может быть, чуть-чуть более уверенно держатся на поверхности. Тиражи у Владимира Личутина и у Владимира Маканина одни и те же, поэты Геннадий Русаков или Геннадий Ступин, Юнна Мориц или Татьяна Смертина одинаково чужды и нашим олигархам, и нашим депутатам, и нашим чиновникам. Не случайно же в недавней «Независимой газете» отметили из юбилеев этого года лишь Игоря Иртенева и Андрея Битова, не заметив ни мартовский юбилей Валентина Распутина, ни юбилей Бэллы Ахмадулиной и Владимира Маканина.

И еще вопрос: может ли состояться Пятая Империя на одной лишь нефтегазовой составляющей, не прочувствованная и не обоснованная глубинными литературными пророками нашего общества? Не думаю.

Писателям сегодня нечего терять, но в этом их сила. Что бы они не написали, куда бы ни занес их талант, с какой бы художественной силой они ни выводили в ли-

тературу новые социальные типы, как бы чутко они ни фиксировали глубинные изменения и в народе, и в обществе, степень их правды не интересует наши верхи. Значит, можно писать всю свою художественную правду. Как написал Захар Прилепин в своем романе «Санькя», как творит «безответственно» от всякой власти свои скинхедовские стихи Всеволод Емелин, как напрямую объясняется со своим читателем Марина Струкова. Молодые писатели, может быть, первыми почувствовали, что писать можно всё, что видишь. Вот и стихи того же Сергея Шаргунова тому пример. Всех на этом деле потрясла смерть Саддама Хусейна, вряд ли кто в России и его идеализировал, но ничего не скажешь – красиво погиб. Стал примером не только для мусульман, но и для нас, русских, примером сугубо положительным. И кому интересна реакция властей или финансовой элиты на эту смерть? Никому.

Терять нечего, бояться некого. Писатели постарше только сейчас начинают чувствовать всю глубину предложенной им художественной свободы. Они-то и станут подлинными аналитиками современного русского общества, расположенными за пределами Садового кольца, Рублевки и Куршавеля.

Я заметил даже такую закономерность: как только тот или иной модный литератор попадает в обтесанную обойму, он становится более предсказуемым. И Владимир Сорокин, и Виктор Пелевин, и Дмитрий Быков, и Виктор Ерофеев уже напрямую зависят от своего издателя. Прямо хоть Ленина цитируй, из статьи о партийной литературе. Они, боюсь, уже не выберутся из проложенной для них гламурной колеи.

А вот талантливые писатели, любого направления, любого возраста, поневоле ставшие маргиналами в «приличном» обществе, обречены на то, чтобы стать победителями. И чем глубже они проникнут в любую суть отражаемых им социальных, психологических и нравственных проблем, тем победительнее будут их рукописи, даже не востребуемые издателями. Пойдет новый самиздат, в кружках и движениях, в общинах и коммунах.

И той же тысячи экземпляров тиража вполне хватит, чтобы стать художественным манифестом эпохи.

Талантливых писателей всегда было много на Руси, даже слишком много. Талантливый писатель не способен писать чепуху, нет смысла, тогда уж лучше идти в бизнес или куда-нибудь.

Настало его время отразить истинное глубинное состояние коренного русского общества, в преддверии новых Кондопог и новых Куршавелей.

Кому нечего терять, тот на Руси всегда и способен на многое.

Владимир Бондаренко
(газета «Завтра» №4 (668))

P.S. «Тюмени литературной». Перепечатывая материал В. Бондаренко, отмечаем верность ряда его суждений по поводу современного положения писателя в России. Когда наша власть не выговаривает слова «русский писатель», а рука иных тянется к револьверу при слове «культура», то нынешнему честному писателю на Руси и, в самом деле, «терять нечего», как только находить возможность – работать, несмотря ни на что.

«ЧТОБ ФАНДРАЙЗИНГОМ ЗАНЯТЬСЯ.
МНОГО ВАМ УМА НЕ НАДО...»

СРАЗИТЬ СПОНСОРА

Излишне объяснять, в какую пучину нищенского выживания ввергнута отечественная культура. Нет, не та, которая в массовом порядке кривляется, ёрничает, картавит, обзьянничает, стриптизничает и т.д. на голубом экране. Про эту культуру-мультиуру, делающую ставку на чувства «ниже пояса», можно сказать словами Петра Первого: «Эта вошь сама себя прокормит». Речь о другой, истинной культуре, апеллирующей к высоким чувствам и имеющей своей целью просветительство и воспитание в соотечественниках нравственности, духовности, патриотизма. Эта культура у нас, мягко говоря, материально не процветает. Настолько не процветает, что вынуждена попрошайничать у сильных мира сего. В современном англоязычном жаргоне это называется фандрайзингом.

Прихожу наведни в одну из новокуйбышевских библиотек и застаю свою знакомую, работающую там, в весьма печальном состоянии духа. Надо сказать, что несмотря на то, что отечественные библиотечные работники имеют, пожалуй, самую низкую зарплату, несовместимую, прямо скажем, с их статусом «книгинь», служительниц «храма культуры», каковым по определению является библиотека, тем не менее редко когда увидишь среди библиотекарей хмурую и недовольную жизнью личность. Напротив, в подавляющем своем большинстве эти женщины улыбкивы, радушны, с ними не только приятно, но и интересно общаться. По причине низкой зарплаты в библиотеках остались работать истинные подвижницы, самоотверженно влюбленные в свою работу.

Отчего же моя улыбкавая знакомая «книгиня» нынче грустнее осени? А дело, оказывается в том, что начальство требует с библиотекарей, помимо их прямых обязанностей в виде выдачи и приема книг, устройства всевозможных тематических выставок, проведения литературных уроков и вечеров, привлечения новых читателей и т.д. и т.п., еще и осуществлять поиск партнеров-спонсоров. То бишь заниматься пресловутым фандрайзингом, дабы библиотеки могли хоть немного улучшить свою материальную базу. Потому что, несмотря на пухнувший от нефтедолларов российский Стабилизационный фонд, денег на достойное финансирование культуры вообще и библиотек в частности в стране категорически не хватает.

Спонсоры, как известно, на дороге не валяются. Они все больше по высоким кабинетам обитают, окруженные тройным слоем вооруженной охраны (говоря по-модному, секьюрити) и наглой челядью (говоря по-модному, супервайзерами). Поиск и «окучивание» спонсоров – целое искусство, прямо скажем, мало общего имеющее с исконными обязанностями библиотечного работника. Однако учиться никогда не поздно, и теоретиков фандрайзинга сегодня в России хватает. В одном из номеров серьезного профессионально-методического журнала «Библиотека» опубликован опыт так называемого фандрайзинга по-русски, от которого порядочную женщину не может не бросить в дрожь.

Вот как, к примеру, настоятельно советует улещать потенциальных спонсоров главный библиотекарь одного из удмуртских городов Елена Мотова. Советы свои сия продвинутая дама дает – ни много ни мало! – в стихах, чтоб они лучше запомнились.

*В наше время очень модно
спонсоров искать повсюду.
Вот иныя учрежденья*

**Писатели Сибири и Урала
в гостеприимном Ханты-Мансийске**

*так и делают всегда...
...Если спонсор пригласит вас
для знакомства и беседы,
вы, не медля ни минуты,
помощь требовать должны.
Очень нужно вам на книги,
телевизор и компьютер,
сканер, медиапроектор,
ну и денег на ремонт...
...Чтоб фандрайзингом заняться,
много вам ума не надо.
Ведь с огромным рвеньем каждый
бросится вам помочь!..*

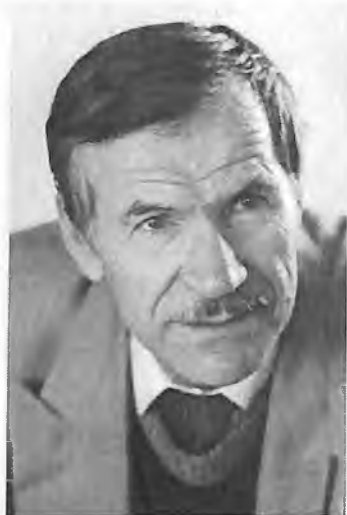
Как говорится, эти бы слова да в уши Господу! Где вы видели таких спонсоров-меценатов, рвущихся помочь нищей культуре? Ведь в современной России меценат – это, за редчайшим исключением, человек, помогающий ближнему, предварительно ободрав его до нитки. Однако, ничтоже сумняшеся, дама-библиотекарь продолжает свой инструктаж, как обаять спонсора той библиотечной работнице, которой-таки удалось прорваться к нему на прием:

*Пусть оденется поярче,
никаких нарядов скромных!
На груди – огромный вырез
и вечерний макияж.
Фиолетовые ногти.
Юбку лучше покороче,
чтобы спонсор, лишь увидев,
без сознания сразу пал.*

Ничего не скажешь, профессиональные советы! Правда, надо бы все-таки уточнить, к какой профессии они относятся. Явно не к библиотечной. Эти советы по так называемому фандрайзингу было бы уместнее применять на практике представительницам другой профессии, которую принято называть древнейшей. И зачем, собственно, такой искусственной в фандрайзинге даме вообще идти в библиотечные работники? Не лучше ли сразу направить свои стопы туда, где таланты по «окучиванию» спонсора будут востребованы, как говорится, напрямую? И не совестно ли современным властью имущим склоняться к сомнительным способам добывания денег на библиотечные нужды тех женщин-подвижниц, которые за копеечную зарплату служат отечественной культуре?

**Диана КАН,
поэтесса и читательница.
Новокуйбышевск Самарской области.**

Пламень литературная

Николай Павлович Смирнов, член Союза писателей России, работает в разных литературных жанрах – художественной прозе, публицистике, поэзии. И все же наиболее значительных успехов добился он в жанре документалистики, создал ряд объемных книг, повествующих о героике будней северян, осваивающих и ныне нефтяное Приобье Тюменского Севера. А это летопись славной сибирской эпохи!

Николай Смирнов родился в крестьянской семье в деревне Иска Нижнетавдинского района Тюменской области. Целеустремленно, с завидным упорством шел он к своей цели – стать писателем. Работая на заводах Свердловска, учился в Уральском университете. Затем работа в молодежной газете «Тюменской комсомолец», откуда он ушел строить железную дорогу Тюмень – Нижневартовск. Построил! И снова работа, теперь уже на нефтяных промыслах Самотлора. А вечерами – за письменным столом.

В мае сего года Николаю Смирнову исполнится 70 лет. Мы сердечно поздравляем нашего постоянного автора и друга с юбилеем, желаем крепкого здоровья и новых талантливых книг.

Посылочница Лилия

Рассказ

– Садись! – Мансафова показала на стул по другую сторону стола высокой мослаковатой девушке, худобу которой не скрывали просторный джемпер и висящая крупными сборками юбка. Взгляд начальницы отделения связи оценочно задержался на нескладной фигуре, скользнул к лежавшим перед ней документам. – По направлению после техникума? Хорошо!

Выражение лица, интонация вещали обратное: «Присылают всяких пикуль. На Севере почта – не райская обитель, намучаешься с такой».

Опасения Мансафовой не лишены были оснований. Отделение связи на бойком перекрестке городка нефтяников. Лет семь-девять назад здесь в непогоду роптал, угрюмился лес. По грядам, холмам, напаханным в давности ледником, густились кедры, в болотинах редкие низкорослые сосенки обитали. А по окрайкам холмов-гряд, где выше и суше, стыдливо выступали березки: осенью расцветенные, они завладевали окрестами, на время затмевали желтизной, да в прибавку с осинниковой киноварью, своих хвойных собратьев.

Приволье глухарям, рябчикам, жируют себе. Выше по Оби, километрах в трех, лепился к реке поселочек, не смущавший таежную живность. Жизнь текла размеренно, определенная временами года.

С открытием навигации все резко менялось: запевали теплоходы, буксиры, поселочек наполнялся гомонливой судовой братией, что останавливалась на временный прикол – запастись провизией, дизтопливом. Хлопотливая жизнь начиналась в лесу: бойцовские тока сменяло пестование выводов, суета пернатой мелюзги и сторожкая степенность матерюющих глухарят. Так было до пришествия нефтяников с их новосельями. Лепили жилища-временки на вырубках, гатили болота к озеру Трубному, где намечались первые скважины.

В свободные часы крепкотелые, бородатые, в большинстве молодые люди, спешили на почту, пока единственную в городе, валом валили. Кому – письмо, кому – телеграммы или переводы отправить, получить, или то и другое вместе. Много шло посылок. Поворочай-ка полный день ящики, понаслушайся всяческих реплик, добрых и язвительных. Практик Мансафова критично относилась к «образованным, дипломным», мня от них подкол под свою должность. Не очень-то жалуют практиков, норвят заменить.

Снова окинула взглядом тонкокостную, ломкую выпускницу техникума, по документам значившуюся Лилией Андреевной Андросенковой, местной уроженкой, и это последнее обстоятельство еще более раздражило (домой, стало быть, к мамке потянуло хрупкий цветочек), – хмыкнула красноречиво.

Мансафова пришла в связь шестнадцати лет отроду, сразу после войны, привыкла к своему занятию и другого не желала, обладая колоссальной энергией и завидным старанием, постоянно брала призовые места в соцсоревновании, была на хорошем счету. Но жизнь идет вперед, все больше юных грамотных, в Лиле усмотрела угрозу себе: чего доброго, свергнет. Растерянности не выказала, внешне осталась уверенной, наступательной – Мансафовой.

Не привыкать. Перед горластой воинственной клиентурой в брезентовых штормовках с капюшонами, в сапогах-болотниках с отворотами, ступавшей так, будто все время у ней на плечах тяжести – пол прогибается, не теряется. Так грохнет кулаком по барьеру-стойке, что вмиг утихомириваются и проникаются невольным почтением.

Видок не предвещает ничего хорошего. На могучей мясистой физиономии в булавочных щелястых глазах играли недобрые огоньки, лицо сияло ядовитым радушием, на губах вспухала упреждающая улыбка. «Улыбаюсь, но посмейте, хамства не терплю, отрину на все четыре. Вот порог, вот двери, – вещала улыбка. – Милые вы мои незаемные. Нервные клетки не восстанавливаются». Это понимали и не перечили Мансафовой, стоило встать у барьера-стойки кому-нибудь другому, и картина менялась. Не обладавшие качествами начальницы, операторы скоро выматывались, особенно на посылках, и через месяц-второй увольнялись, не выдержав нагрузки.

Отдел оставался недоукомплектованным. А тут еще эта пикуля, хрупкий цветик, куда ее? Придвинула диплом, ведомость оценок успеваемости, где преобладало «отлично», вопросительно пожевала накрашенными губами: по направлению – не откажешь, и брать больших рвений нет.

– На посылки! – вдруг нагрянуло спасительное озарение. – Опером на посылки, не иначе... Покажи, кто ты есть такая. Мне дипломы не указ, по действую сужу. Сей же момент за работу... – согнутым пальцем давнула ведомость «с отличием», как прикрепила к столу. Это был приказ без обжалований.

Лилия устремилась к весам напротив склада, до потолка забитого ящичками, тюками, просто мешками. Иные упаковки подпорчены разлившимся вареньем или еще чем липучим, иные с протухшими в долгом речном путешествии продуктами. Эти запоздали, те не по адресу. Надо было принять, отдать, оформить, объяснить – конца и края нет, в навигацию почта поступает обвально, нет против нее никакого удержу.

«Так, милая, покрутись, отряхни цветочную пыль», искоса наблюдала за новенькой неумолило-злорадная Мансафова.

Лилия летает себе с посылками, что-то милое щебечет в

зашерстившиеся, распаренные – лето! – физиономии, напоминающие начальнице отделения раструбы сапог-болотников. Но к ее удивлению, «физиономии» не извергают хулу, не потрясают пудовыми кулачищами, что-то от смущения промелькивает в них.

Это заинтриговало. Мансафова, прислонясь к косяку, смотрела во все свои глубоко посаженные щелястые очи и ничего не понимала. Новенькой говорили иначе, чем прежним операм, – не зло, не настырно. «Сапоги-болотники» заметно отмякли, повиновались Лиле. Похоже, не торопились расстаться.

Мослаковатая выпускница техникума передвигалась легко, стремительно между складом и стойкой, едва одежды за ней попевали, пластались как на ветру. Мансафова слышала: «Счастливо пользоваться, хлопчик! Небось с Украины подарочек? Точно, с Украины! Я была там с папкой, такие сады и бахчи – залобуешься. Вся в цветенье Украина». Сибиряка уверяла, что нет лучше Зауралья, где, как не здесь легенды о Ермаке и декабристах, морозные зимы, весенние водополя, по которым «вброд солнце роци белые пасет», брусничники. Есть один такой за озером Трубным, где бурят скважины. Она знает. И так каждому свое уместное, кому посоветует письмецо благодарственное черкнуть матери, кому бросить пить или сбрызнуть пегую бороденку – не портить лицо. Предложит заштопать брезентуху: пусть занесет, пригласит в кино. И все это без игры и кокетства, желанья угодить, очень естественно – такая есть!

Очередь двигалась быстро. Мансафова ревнительно отметила, что, направляясь в склад, Лиля походя определяла по местам бланки и квитанции, штемпелевала. Сургуч накладывала точно на швы – экономя. Так даже ей, практику, не суметь. Ай да, пикуля! Что-то похожее на зависть ворохнулось в очерствелой душе Мансафовой.

Лиля раскраснелась. На ней, стремительной, джемпер и юбка мотались флагами. Казалось, тела у Лили нет, одни эти тряпки. Но откуда такая выносливость? Мансафова при ее комплекции едва выдерживает, а пикуле, крысиному хвосту, хоть бы что, бубнит втихомолку:

Миленький, усатенький
В рубашке полосатенькой,
В шапочке с махорчиком,
Гармошка с переборчиком.
Водит правая рука,
Левая ладоня –
Тяжела гармония.

Гармония, к слову сказать, из общего обихода истребилась, все меньше уличных вечерочных компаний с «хромками», но в городке нашлся один преданный, не расстающийся с русской мелодичной. У себя в общежитии и на улице, на буровой отводит душу помбур Кудрин. Его из-за этого даже «чокнутым-повернутым» посчитали. Ну как это, в будни на проспекте Первопроходцев, где Дом книги, наяривать. Так словно свадьба с присвидами и бубенцами шествует. Кстати, на проспекте и Дом бракосочетания.

Так вот Кудрин завернул в тот день на почту, просто так, без надобности. Другу армянину из родной республики прислали лаврового листа для продажи на здешнем рынке, и он наведалься получить, с ним от нечего делать Кудрин, увидел новенькую и вдруг развернул гармонию – Лилиной частушке в такт:

Кто-то едет, кто-то идет,
Кто-то жердочки везет –
Мил поскотину городит,
Милка ягоды берет.
Тама, тама, тамочка,
Сгорела молоканочка,
Ветром мельницу снесло,
Матану снегом замело.

Лиля ни на миг не прерывает своего «полета», а частушки вполголоса, так это для взбодрения, и аккомпанемент неназойливый, только намеченный.

Однако чудно. Мансафова повела зачугуневшими плечами, ей вспомнились послевоенные сходовки, в холстинке, чувяках из сыромяти, подсиненных анилином, отплясывала

на полянке посереде деревни. Всем был хорош тракторист Мокин, и к ней тянулся, но радательница мать запретила жениться на Катерине, девке крутой, в запале мужиков на один замах сшибающей. А в семье всякое случается, зачем рисковать.

С тех пор угнездились в Мансафовой подозрительность и разочарование к мужскому сословию. Решила, неспроста иргун глазами хлоп-хлоп, готов поглотить всю пикулю с ее худосочием. Вот так когда-то ее очаровал-разочаровал Мокин, оставил брюхатой. Чего проще охмурить наивную, доверчивую из местных. Не бывать подвоху!

– Это что-ть за концерт?! Что-ть, я спрашиваю? – недобро насулпленная двинулась Мансафова на помбура. – При гармошке, так умный. Тебе кто позволил чилкотить в учреждении? Па-ни-маешь?! Сгинь – и подальше, двоедан-меломан, не то...

Помбур отступил на крыльцо. Ему в четыре на вахту, а он и в ус не дует, не порывается на автостанцию, откуда увозят на месторождение вахты. С выражением суровости заявил Лиле после дежурства: «Я вас провожу», – «Проводите, – охотно согласилась Андросенкова. – Только далеко провожать, мне в Старый поселок», – «Ничего, напрямки ближе».

По берегу Оби тропка. Отправились ею дружно, рядышком, словно давние знакомые.

Кудрин оказался из Заволжья, где Лиля оканчивала техникум, нашлась тема для разговора. На родине у Кудрина мать и сестренка-школьница, ежемесячно шлет им переводы: заработки позволяют. Бригада намеревалась поставить рекорд проходки, бурила споро, и заработки отменные – с премиями за ускорение. Кудрину нравилась работа на буровой. «Тугоплавкая», как в шутку называл. Всю вахту – восемь часов в жарком поту, без перекуров. Впрочем, Кудрин не курил. И про это сказал с иронией: «Еще не самое худшее – не пью». Другой бы, может, похвалился, а этот извинительно.

Понравилось Лиле и признание – хочется ему полюбить, нарожать больше детей. Что с одного-двух наследников.

И Лиле хотелось друга, без друга тоска зеленая. Был у нее в техникуме, но призвали в армию и перестал писать, наверное, нашел другую. Взгляды на любовь изменились.

– Общежитие опостытело, – Кудрин перекинул ремешок гармошки на другое плечо, сломил веточку рябины и бросил с обрыва в реку, она, кувыркнувшись, упала на воду и, уносимая течением, закачалась на волнах. – Увидел тебя и захолодило внутри – твоя! Не упускай счастья!

– Бывает, встретишь человека и повлечет к нему: не то, чтобы любовь с первого взгляда, но вроде этого, – Лиля отмахнула комаров, повернулась круто и едва не сорвалась с обрыва, рассмеялась от своей оплошности.

Эх, нет Мансафовой, она бы истолковала как надо, распорядилась с Кудриным за милую душу, чтоб не соблазнял девочек. Но помбур даже не прикоснулся к спутнице. Пожаловался на усталость, что ему рекорд, если каждая вахта – сплошная потовыжималка. Конечно, в славе и при деньгах, мастеру прочат звезду Героя, но приелась гонка. У него предчувствие непоправимого. Случится, если техника безопасности позабыта. «Давай! Давай!» – довлечет.

Он сегодня назло всем сделает прогул. В конце концов не только ради рекорда живет, душе простора хочется. Другое дело – труд в удовольствие, с желанием стремиться и достичь. Он за такой рекорд, когда рекорд – результат опыта, сноровки, вдохновения.

Лиля по-петушиному, вприскокку, забрасывая высоко голенастые ноги, шагала чуть впереди, и потому все время полуоборачивалась к Кудрину. Поддержала, поддакнула:

– Конечно, хочется простора... Выберемся с тобой за Трубное на брусничники. Запрятались на гривке песчаной. Слева вода и справа, с тыла – болото, не тотчас обнаружись. А мы на лодке через озеро. Я в детстве часто плавала с папкой, папка у меня участник войны, нагледелся ужасов всяких. Запретил мне после школы поступать в медицинский институт, не хочет слышать о болезнях и крови, при одном упоминании бледнеет.

Пригласила домой к себе, Кудрина тяготил сегодняшний прогул, он представил, как лицо мастера из румяно-ясного становится сизым, свинцовеет, и заторопился на станцию. Пусть с опозданием, но будет на месторождении, расспрашался с Лилей.

Через неделю-полторы наведалься снова на почту. Обрадованная Лиля управлялась еще проворней, сыпала пословицами: «Хорошее начало – полдела от начала». «С милым рай и в шалаше, если милый атташе» – каждому у нее добрая словинка.

В Кудрине замечалась усталость. Он с этого и начал, предложил съездить на обещанный Лилей брусничник. У него завтра выходной и он хотел бы развеяться.

Свернув к обрыву, где прежде бросил на воду веточку рябины, как в знак прощания с чем-то дорогим, примостился на крутизне. Внизу – волноплеск, важевитые теплоходы. С палуб жадно всматривалась в берег заманчивая, нездешняя жизнь, и берег ей казался диковинно интригующим. Вон какие видики! – все еще первобытный пейзаж.

Северное солнце мягкое, на него можно смотреть не жмурясь. Подолгу висит на Обью, едва касаясь тальников той стороны, ночь летом еще не белая, как в Заполярье, но и не настоящая. Так – среднее между светом и темнотой – сумеречностью и затяжелевши, видимо, потому, что плотен влажный воздух.

Кудрин держал в своей Лилину прохладную руку, смутно белевшую, и было ему покойно и не хотелось иного.

Она сама прикинула к нему, большому, сильному. Кудрин легко, как перышко, пересадил ее к себе на колени, обнимая и гладя. Видела бы строгая Мансафова – выиграла: так недалеко до соблазна. Уже соблазн: она на коленях, он лапает... О Господи, времена, люди!.. Всех одним аршином меряет – Мокиным с его мамашей.

Но ничего на обрыве не случилось. Об этом впоследствии пожалеет Лиля, случись, может быть, любовь Кудрина обрела воплощение в живых детских глазах, пушка на темени. Разве не счастье – ребенок от любимого?! Не случилось и на озере, куда поутру попали на вездеходе буровиков. Гусеничная, присадистая машина под брезентом ползла по хлипкой, выбитой траками болотине в час по чайной ложке, изрядно укачала.

На озере у Кудрина стояла лодка. Наклружили весла – и через волновую, бугристую открытость, одолели сопротивление ветра. Небо сильно хмурилось, задерживалось тучами. Посыпал частый крупный дождь. Покрепчавший ветер неистовствовал, и вода готова была захлестнуть лодку. С детства привычная к веслам Лиля помогала Кудрину грести, они благополучно миновали середину.

Тучи надвинулись ближе, стали толстыми, сплошными, а дождь беспрестанным. Холодный дождь, ледяной, пронизывающий ветер. Таков Север, только что жгло, и вот... Зябко, неуютно в гудящем лесу, обрушиваются с веток потоки, до нитки смочили. Продрогшие, они жались к стволу раскидистого кедра, чувствуя шероховатость коры, частое биение сердец, и казалось, что это дерево отдает толчками своего могучего сердца, вмещенного в ствол где-то рядом, соединяет. Еще б миг, малое стремление, и свершилось. Не свершилось.

Предчувствие непоправимого, не покидавшее Кудрина, лишило решительности. Помбур отстранился от Лили, заметно вздрагивающей, слабеющей от внезапно прихлынувшего жара. Жар и озноб вместе.

«Твоя, – прошептала. – Вся твоя. Бери».

Она не испытывала желания, какое может владеть женщиной, скорее это стихийное волнение плоти. Рябь на воде и штормовой вал – понятия несоизмеримые, но все же то и другое влечение.

«Твоя... я... я...» – ткнулась головой в грудь, смежила глаза и заплакала, или, может, это дождины сбегали по лицу, Кудрин смущенно перебирал заскорузлыми, привычными к железу пальцами сплпшиися Лилины волосы. Объяввший трепет сделал душу ломко-больной: новое, даже очень хорошее, не тотчас усваивается.

«Твоя-я-я», – шелестел дождь. «Твоя-я-я», – кивали попевающие кедровые шишки заодно с курчавыми, мохнатыми кронами. «Я-я-я...» – бедовал ветер, перетряхивая облачность, вещал в тон и стать двоим под деревом.

И все же упорхнула жар-птица, опалила и сгнула. Поулгелся ветер, прояснило. Они на той же амфибии скоротали путь до города.

Лилия простудилась, слегла. В ней разрасталось теплое, нежное к Кудрину, становилось главным и незатухающим, куда более существенным, чем непогода у озера, ягодники. К ней пришла любовь. Лиля это поняла и радовалась, жаждала встречи с суженым.

Он ждет ее с гармошкой или без – все равно. К ним стесняется постучать. «Твоя-я-я... Твоя-я-я...» – твердила мысленно. Не ведала еще, что вечером, когда дома подогривалась чайком с душицей, горчичниками на ногах, всунутых в отцовские подшитые катанки, в то самое время Кудрина вывезли на буровую. Помбур Тренькин встречал в аэропорту жену и срочно потребовалась замена.

Волжанином после озера, двукратной дороги к Трубному овладела дрема, ни работа без перекуров, ни самовнушение не действовали. Дрема пригнетала пудовыми валунами, он глух и слеп, двигался, как лунатик. Даже предчувствие беды избылось. Механически перемещался на железном полу вышки, неподалеку от бурильщика, всецело сосредоточенного на пульте управления.

Прочный, из сталистых проволок трос с барабана лебедки убежал вверх к таль-блоку. В одном месте трос сбился с витка и бурильщик, не останавливая барабана, жестом велел Кудрину поправить. «А полагается остановиться, – машинально отметил про себя помбур. – Так учили». Возразить не было сил и желания, оцепенение вязало волю. Встал на металлическую боковину, после дождя влажную, поскользнулся и, потеряв равновесие, в нелепо-трагическом изломе упал на барабан. Без усилий, как масло, трос располовинил Кудрина на два красных безобразных обрубка.

Сплошные звонки по начальству, цинковый гроб в арендованном «АНе», комиссии, разбирательства – все это уложилось в дни, пока болела Лиля. О ней не вспомнили при отправке Кудрина в Завольжье. Кто она ему? – знакомая, о которой знали два-три приятеля, включая армянина с лавровым листом.

О случившемся Лиля узнала из «районки», ошеломленная застыла с газетой в руках. Вид ее был таков, что вызвали на почту «скорую помощь». Лиля сказала: «Не надо, я смогу» и вялой старческой походкой направилась с посылкой в склад, невероятно длинным показался путь в десятках метров. Ни слов, ни улыбок от нее – хмурая. Вся закрытая.

После работы ушла к обрыву над Обью, где когда-то сидели с Кудриным. Заядлый гармонист мечтал о любви и дружбе, хотел жить, жить... Как жестока бывает судьба! Лиля впервые отчетливо представила войну, о которой столько рассказывал отец. Там тоже: жив человек, и вдруг нет: выстрел, взрыв, – уносятся в небытие. Но там битва с врагом, в мирной жизни смерть во сто крат чудовищней, удручающей, не свыкнешься.

Лиля на обрыве в белоночи, как одинокая подраненная птица, сердце колотилось больно, разбухало до невероятных размеров, во всю грудь. Провалившиеся глаза горели сухим беспламенным жаром. Всю Лилию лихорадило.

Придя домой, она слегла в постель, теперь уже надолго – от нервного потрясения.

«В самом деле, втюрилась пикуля», – узнав о причине болезни, удивилась Мансафова. И опять позавидовала: способна любить и верить пикуля. Признаться, и она не разлюбила Мокина, рада его сыну, а Лиле уготованы забвение, неутоленность чувств. Ничто не вечно, вместо помбура с гармошкой найдется другой – с гитарой, магнитофоном, современный, но все же обидно... Все же не то...

На работу Лиля явилась похудевшей, с заострившимся лицом. Столь же исполнительно, хотя и без прежнего подъема, справляла роль посылочницы, официально именуемой

«техник-оператор доставок». По выходным обязательно уезжала на Трубное и там под кедром великаном у воды рассуждала вслух с кем-то воображаемым.

– Эту ее любовь понукает, – всякий раз авторитетно заключала Мансафова, меня тридцать лет понукает лиходейка. Повязала, нет спасу. Уже Мокин спился, обрюзг, а ей проклятушей хоть что, будоражит. Латиноамериканский вариант по Залыгину, есть таковая романея. Читала. Обе мы с Андросенковой пострадавшие, обижать не имею права.

Сделала Лилю заместителем. Теперь у нее был свой кабинет, которым тяготилась. Не кабинетом – одиночеством, попросилась обратно на отдел. За ней после школы заходил братишка шестиклассник, со щек, как поклеванный, – рябой. Она его так и звала «мой рябеный».

– Смотри за ней, Гришка, – наставляла начальница. – Кабы в Обь не сиганула сглупа, утопнет.

Гриша, обеспокоенный не меньше: молчалива, насуплена, уставится в одну точку и думает, думает. Додумается, что шарики за ролики заскочат, станет блаженной, принялся Гриша соображать, как вылечить сестренку. Клин клином вышибают: достукал мальчишеским умом. К его дружку Миньке Гилязову поселился на квартиру летчик с аэропорта. Гриша точно вызнал – холостой. Свести с Лилей. Но как? Сообща с Минькой решили зазвать квартиранта Гилязовых под предлогом испытания модели самолета.

Якобы для коллегиальности пригласили на запуск и Лилю. Лиля, увидев незнакомца в летной форме, растерялась, взглянула на хитрецов ребятишек, странно присмиривших, все поняла и рассмеялась весело, звонко, как давно уже не смеялась. Не умевшая скрытничать, объявила аэропортовскому: «А ведь это они вас ради меня заклекли – не ради модели. Самолет им рано запускать». – «Вот как! – опешил квартирант Гилязовых. – Ну, молодцы-сорванцы, догадались. А я томлюсь, скриплю, не знаю куда и с кем направить стопы. Так что кстати, Игорь, – представился Лиле. – Пилот второго класса, – смущенно покашлял. – Пока с «кукурузника». Но все равно – небо, скорость, обгоняем птиц».

О небе потом говорил при каждой встрече. И Лиле казалось, что небо то невыразимо-прекрасное, без чего человеку невозможно, как без счастья. Отныне небо ассоциировалось с Игорем и самолетами. Ей страстно хотелось ребенка, тепленького, орущего, тянущегося к остренькой крепкой груди, набухающей молоком. То, что будет ребенок, она это знала, и не боялась того, что Игорь может отказаться, бросить. Пусть! Что ей брачные обязательства! Как это иные, родив, могут жалеть об этом, стесняться положения матери-одиночки. Не стесняется же Мансафова. И она не намерена, если даже не обязанный юридически Игорь покинет ее.

Счастливые счастливы во всем. Будет город и будет жизнь, в которой ее ребенок сделает первые шаги. С ним заново шагнет она, заново научится говорить, читать, думать, заново любить и ненавидеть. Видеть северное небо, которое, была уверена, никогда не изменит ей.

Опять на море жизни
Шаланду треплет ветер.
Шаланда накренилась,
Ее зовут глубины.
Ударил вал девятый,
Шаланда раскололась,
Легки ее скорлупки
В пучине безразмерной.
И некому оплакать погибший экипаж.

Неожиданное это поблазило в ее мозгу, и она забылась с мыслью, что никогда больше не воспрянет из глубин подсознания. Никогда!.. Ее нет больше без Кудрина, первой своей любви, и не будет. Отныне лишь смысл этого внезапно сложившегося куплета. Шаланда раскололась...

г. Нижневартовск

КАЗАК СВИСТУНОВ

1

Очень занятный, начитанный и общительный человек, так для начала кратко скажу я о потомственном казаке Свистунове, в доме которого не раз бывал. Пивали кофе, разговаривали, хозяин показывал свою библиотеку, намекал «на партию в шахматы», от чего я дипломатично уклонялся, мол, не пристрастен, зная, что в прошлом Михаил Георгиевич чемпион Венесуэлы по шахматам, призер международных встреч и всегда ищет достойного партнера, какового – увы! – из меня не получится при любой погоде.

Живет он не в «кинте», то есть особняке, как у моего крёстного Волкова, а в собственной квартире, на этаже, кажется, шестом. Квартира по моим представлениям и по старым советским меркам – преогромная для одного жильца, где-то квадратов сто пятьдесят, с мраморными полами, добротной мебелью, разнообразными «агрегатами» на кухне, фотографиями, художественными акварелями на стенах гостиной, собранием книг на разных языках и живописным видом с балкона на зеленый район Лос Палос Грандес, что на русский переводится как «высокие деревья».

Михаил Георгиевич нынче человек одинокий. Как он управляется со всем квартирным хозяйством, вопрос для меня. Вероятней всего, временами его навещает служанка, прибирается. Хотя пищу себе старый казак, как я понял, готовит сам.

Взрослые дети, внуки и внучки давно обитают в США. За месяц моего гостевания в Каракасе был я свидетелем того, как казак то паковал чемодан, то вновь откладывал поездку в США, на свадьбу одного из внуков. Поездке мешали ураганы, которые нещадно раз за разом бушевали над Карибским бассейном, наваливались на американский штат Флорида, откуда звонили родственники казака – отца и деда! – чтоб сидел пока дома, поскольку сами сидят без электричества, полузатопленные, в неведении – а что будет завтра, как поведет себя стихия?

В первые наши, четырнадцатилетней давности встречи, казак Свистунов запомнился мне человеком немногословным, несуетным, но при поддержке собеседника любил высказаться о политике. Еще запомнилось, как мы забрасывали удочки в лагуне Карибского моря, на «золотом острове», как боролись с москитами, как опасались полдневного солнечного пекла, потом на кухне добротной многоэтажки на берегу моря, то есть в «клубе для отдыха» состоятельных каракасцев, жарили креветок, пели песни из казацкой русской старины в сообществе его друзей по Сербии и Венесуэле – Волкова и Ольховского.

В ту пору, в мае 91-го, наш друг еще не обзавелся травмами и тростью-посохом, который сопровождал его теперь, несколько усохшего в габаритах и пропорциях от прежней его мускулистой фигуры, нынче явно намекающей на стариковскую. Девятый десяток на половине. Годы! Даже для бравых еще, крепких духом старых русских эмигрантов.

Почему – казак? Почему русские кадеты-венесуэльцы и прежде и теперь подчеркивали сей наличествующий статус Свистунова, понял еще тогда, в 1991-м. Просто

потому, что у кадет, прошедших в Сербии военную выучку в знаменитых русских мальчишеских корпусах, был свой «круг», в границы которого иные просто не допускались, а если и допускались, то с непременным акцентом на чужеродство. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь!

Судьба Свистунова, о которой хочу повествовать ниже, столь же наполнена, разнообразна, порой трагична, как и судьбы других русских людей, выброшенных за пределы Отечества вихрями враждебными, гражданской войной, на которой их отцы и деды – белые воины – потерпели поражение.

Родился Свистунов за кордоном, в сербском Белграде, 26 ноября 1922 года. Отец его, Георгий Георгиевич, терский казак станицы Мегенской Горско-Моздокского отдела Терского казачьего войска. Мать – хорватка, католичка. Когда Миша родился, отец бросил семью, уехал в Чехословакию на автотракторные курсы. «Бросил» – так оценивает и нынче Свистунов поступок отца, который через два года «исправился», вернулся к матери. А Миша, который помнит себя с трех лет, поначалу воспитывался в семье деда, отца матери. Был крещен в католическую веру. По-русски тогда не говорил, впрочем, плохо говорил и по-хорватски...

Хорошо помнит, как привезли из Хорватии в Белград, вернули родителям. Отец в ту пору работал на фабрике, где «делали шелковые чулки», достаточно зарабатывал, чтоб отдать сына в русскую школу. Окончив школу, а это четыре года обучения, за которые Миша хорошо научился говорить по-русски, стал русским мальчиком, поступил в гимназию, где обучали по российской программе профессора московского университета, где, подчеркивая русскость, все гимназисты носили форму прежних императорских российских гимназий.

Миша любил литературу и историю. Любовь эту сохранил до нынешних дней, пристально спрашивал у меня, читают ли в России «Цемент» Гладкова, «Бруски» Федора Панферова, «Как закалялась сталь» Николая Островского, «Молодую гвардию» Александра Фадеева, «Василия Теркина» Александра Твардовского, далее перечислял другие книги советских классиков, изумляясь моему сообщению, что этих авторов я «изучал» по советской школьной и институтской программам. На что Свистунов, улыбувшись, сказал, мол, за чтение этих книг его тут ярые монархисты числили за «шпиона» и «за коммуниста», а он просто любил эти книги, восхищался их героями, не беря во внимание их «большевистскую идеологию», от которой тут прежде, особенно в 50-е годы, когда были живы белые генералы и полковники, а также сподвижники генерала Власова, шарахались, как от дьявола...

Сорок первый год. Война. При бомбардировке немцами Белграда была тяжело ранена мать Миши. Пролежала пять месяцев в больнице. Потом отец увез её к родным в Хорватию. А Михаил, уже взрослый парень, некоторое время работал на расчистке разрушенных бомбами домов. Затем уехал на заработки в Германию, там встретился со школьным приятелем, который, как оказалось, служил у немцев в гестапо. Что-то там произошло между

бывшими однокашниками, Свистунов сказал мне коротко, мол, тут замешана девушка приятеля, невеста, и приятель бросил ему фразу, что «отправит его на тот свет»... Михаил уехал из города, устроился на сельхозработы. Непривычно для городского парня: хозяин заставлял вкалывать по 16 часов в сутки.

Как-то пришла одна немка-хозяйка, соседка, как заметил Свистунов, «между прочим, очень прехорошенькая», попросила его хозяина, чтоб он отпустил работника – помочь ей поднять сено на верх сарая. Сговорились. Михаил дело сделал, хозяйка его угостила. Дальше – дело молодое, «познакомились»... Об этом узнала прежняя подруга Миши, полька, приревновала и донесла властям. О чем можно «донести», не понял я из суховатого повествования Свистунова, но немцы арестовали молодого казака. Посадили в тюрьму. Далее им занялось гестапо.

Подробности тоже кратки. Завели в комнату, пригласили сесть. «Пришел какой-то дядя в сапогах, в очках, типичный немец, заорал: встать! Дал по физиономии...»

Слушая Свистунова, хотелось присовокупить, что подобные сцены допроса в гестапо читал и в советских книжках про войну, но занятней было «ловить детали» от человека не красных, «белых убеждений».

Ну, Миша стал оправдываться, мол, ничего такого с немкой этой у него не было... оговорила его полька напрасно, а он не причем. Гестаповец спросил: кто он такой? Сказал, что отец у него белый русский казак, боролся против коммунистов...

В гестаповской тюрьме продержали три месяца. Дали предписание явиться в село Гросхурдхаген на работы. Тут надо сказать, что в Германии действовал закон военного времени, по которому вся молодежь, начиная с 15 лет, должна была провести три месяца на сельхозработах. Обязательно! Мише опять «подвезло по девичьей части». В то село прислали еще одну работницу 16 лет. Она приставала к нему, а Миша «не знал, что делать», чему, слушая казака, я не очень и верил. Принял сей амурный момент за истину! А девчонка, видимо, серьезно обиделась на невнимание, сказала парню, мол, если он не хочет быть с ней, она заявит немецким властям, что он её... изнасиловал! (Да, поворот!) За такие «деяния» – русских, поляков и прочих немцы вешали сразу!

В общем пришлось «смыываться». Поехал на поезде в город Штетин. Вышел, ходит потерянно по перрону, на что обратил внимание некий лет пятидесяти. Спросил: «Вы – иностранец?» Да, отвечал Михаил, русский. Немец повел парня в ресторан. Там давали морковку, брюкву, без мяса, без других разносолов, поели. Благодетель признался, что он старый спартаковец, то есть из бывших моряков, которые в 18-м году бунтовали на немецком флоте, участвовали в красной революции. Матрос отсидел свое в тюрьме. К фашистам относится «соответствующим образом». Пригласил парня к себе домой, подарил ему голф-штаны, которые были тогда модны в Германии. Потом купил Свистунову билет до Вены, где у Михаила были сербские приятели, учились в университете. Надеюсь, что помогут.

И опять дорожная история, опять в ней замешаны «хорошенькие девчата», с которыми оказался в одном купе. Болтали, смеялись. Девчата спрашивали: «Вы кто такой?» Соврал, что он болгарский студент, едет в отпуск, в Софию. Добрался в приятной компании до Вены. Куда идти? Знал еще один адрес: общество русских национал-социалистов. Это была группа хорошо устроившихся

старичков-эмигрантов, которые «имели русский флаг и хакенкройц, то есть свастику». Ничего не делая, получали от властей деньги. Старички сказали: оставайся, вам ведь негде ночевать! И что завтра будет собрание с чаем и с танцами.

Дождался «завтра», пришло собрание. И видит Миша: входят девушки, попутчицы с поезда. Оказалось, что они русские, рожденные в Германии. А когда девчата выяснили, что и Миша русский из Сербии, с радостью, поскольку были у них большие связи, устроили ему билет до Белграда.

Опять вагон, опять полон молодежи. Девчонки-сербки возвращались с работ домой. И сербки наперебой убеждали Михаила пойти к партизанам Тито, к красным...

Дома застал одну мать, отец поступил на службу в Русский корпус, созданный офицерами-эмигрантами с разрешения немцев, оккупировавших Сербию. В корпусе этом, что выполнял в основном охранные функции, было спасение для многих, поскольку с началом войны сербы, по словам Свистунова, считали белых русских эмигрантов «пятой колонной», повыгоняли с предприятий, лишая заработка, расправлялись с русскими при удобном случае. Убили Мишиного приятеля – шестнадцатилетнего Лешу Нестеренко, выстрелили ему в спину. Другого приятеля закололи штыком. Елачина, профессора гимназии, тоже убили...

В Русском корпусе нашли «приют» и немало престарелых белых воинов – генералы, полковники, капитаны, поручики... Многие из них прошли первую мировую войну, гражданскую, а некоторые даже японскую 1904–1905 годов.

Нового оружия сим ополченцам не выдавали. Имели старые сербские винтовки и французские пулеметы «шорш» времен 1914-го года. Кто пробовал стрелять из пулеметов, говорил Свистунов, «ему сразу выбивало несколько зубов». От сего автоматического оружия старались избавиться, «потерять» или утопить в реке.

В 44-м Русский корпус принял настоящее боевое крепление. Были кровопролитные бои с хорватами, с титовскими партизанами, случались стычки и с регулярными частями Красной Армии. Так было...

Тринадцатого октября 1944-го советские части заняли Белград. Поезда еще ходили, поэтому, кто хотел бежать, бежали. Остались из бывших белых немногие. В числе их был атаман Терского казачества генерал Вдовенко, другие казачьи офицеры. Всех их забрали энкаведисты, все они погибли в тюрьме на Лубянке...

Свистунов добрался до Австрии, где записался на учебу в университет. Хотел попасть на литературный факультет, но в университете был только машиностроительный. Учился «так себе», не доедал, бедствовал. Через год бросил учебу. Переехал из английской зоны оккупации в американскую, где лучше кормили. А вскоре появились комиссии по вербовке иммигрантов в страны Северной и Южной Америк. Один знакомый Свистунова русский инженер, который знал множество языков, но лучше других – испанский, предложил записаться в Венесуэлу, мол, «там будешь работать под моим началом». Михаил к тому времени женился, и молодая пара, внимая совету соотечественника, который вскоре из виду исчез, все ж отправилась на американском пароходе «Генерал Стуркис» через Атлантику – в неведомое...

Май сорок седьмого года. Первый транспорт с европейцами. О нем мне повествовали многие престарелые

русские венесуэльцы – четырнадцать лет назад и ныне. Транспорт встал на рейде порта Ла Гуайра. Ночь. Побережье светилось множеством огней. Чудилось, что пришли в большой портовый город со светящимися окнами небоскребов.

Утром поднялись на палубы, увидели горы со множеством бедных лачуг по склонам, что светились огнями ночью. Женщины рыдали: куда мы попали!? Надо ехать обратно! И вернулись бы в Европу, будь на то Божья воля и деньги...

С парохода, без всякой проверки и контроля, выпустили прибывших на пристань. Затем привезли в Каракас, поселили на несколько дней в отелях. Далее выдали каждому по десять американских долларов. И – уходите... Так повествовал мне Свистунов.

Куда идти? Жена беременная. Языка не знал. Профессии нет. Ходил всюду, интересовался работой. В конце концов столкнулся с одним человеком, который направил в какую-то «агенцию», где набирали прислугу в Конри Клуб. Там «положили» жалованье – 100 боливаров на двоих. Маленькая комнатка и еда. Уже – что-то!

Любопытно было то, вспоминает теперь Свистунов, что хозяин Клуба был сыном бывшего президента Венесуэлы диктатора Гомеса. Смуглый молодой человек, типа метиса. Еще подробность: «Жена у него была очень интересная голубоглазая еврейка», как заметил старый казак. Потом приехали родители жены хозяина Клуба, выходцы из России – по фамилии Бунимович. Жили они когда-то в Петербурге, прекрасно говорили по-русски, а теперь все пытались выяснять – какими путями Михаил сбежал из Советского Союза? Где работал у немцев, «не уничтожал ли нас, жидов?» Вопросов, подначек, хамоватого отношения было в избытке. Михаил отмалчивался, не распространялся о своей «истории», терпеливо выполнял обязанности прислуги. Но как-то подвернулся один соотечественник, который «мог сделать любой документ». Спросил Михаила: «Хочешь диплом инженера или доктора? Сделаю, пара пустяков!» – «Зачем? Если я ничего не знаю по этой части!» – ответил казак.

Через восемь месяцев распрощался с этим Конри Клубом и его хозяевами. Как раз приехали из Европы родители Миши, забот прибавилось. Снял комнату в Каракасе, начал устраиваться на работу в Министерство водоснабжения. Как «устроивался»? Поначалу отказали: нет работы! Михаил приходил в Министерство, садился на видное место, чтоб все видели. Демонстративные сидения эти длились два месяца, потом к нему подошел

толстый американец, спросил: «Мигель, какое у тебя образование?» – «Год учебы в университете на техническом факультете!» – «Поставлю тебя работать с топографом, научишься, сделаю тебе экзамен!»

Учителем оказался негритенок, который в топографии и понятия не имел. Работать с теодолитом научился постепенно сам. Выдержал экзамен у американца. Повысили начальное минимальное жалованье до 500 боливаров, через три месяца подняли заработок до 800 боливаров. Жить было уже можно. И жить неплохо. Покупали на базаре продуктов обычно на неделю, на всю семью, тратили 20 боливаров. Еще в городе была открыта сеть дешевых государственных столовых, где обед стоил один-полтора боливара. Правительство страны и президент Перес Хименес устроили для бедных слоев населения, а ими в ту пору были и русские эмигранты, нечто похожее на социализм. И о президенте Хименесе тепло сейчас вспоминают старые русские венесуэльцы...

В 1953 году топографа Свистунова направили в провинцию Санта Тереза, что в ста километрах от Каракаса. Ищали место под строительство будущего водохранилища. Дикая природа, ущелья, джунгли, жара, множество клещей. Чем только не мазались, не помогало. Клещи донимали день и ночь. А в понедельник – нервотрепка для руководителей и специалистов стройки: никто из «черненьких», то есть из нанятых рабочих-венесуэльцев не проходил на службу, в выходные они все поголовно пьянствовали...

Это, так сказать, негатив. А позитив?

Водоохранилище было создано. Несмотря ни на что! Видел его и раньше, и теперь, осенью 2005-го, проезжая по прибрежной автостраде вместе с земляком-сибиряком и тренером национальной команды Венесуэлы по легкой атлетике Михаилом Поляковым. Море пресной воды, замечательные виды окрестных гор, в распадае которых и устроен сей могучий резервуар, снабжающий водой семимиллионную столицу Венесуэлы – Каракас, город, в котором контрастно соседствует величие и красота центральных проспектов, хижины окраинной бедноты, они по-прежнему обманно-празднично светятся на горах по ночам, как бы имитируя огни небоскребов.

2

Больше нравилось казаку, когда он попал на изыскания в Анды. Высокогорье. Прохладно. Сильный ветер. Пришлось купить полушубок, напомнивший о снежных европейских зимах.

Ольга Волкова и Николай Денисов

В восточном парке Каракаса

Другое живописное место – жаркая провинция Чуао. Побережье Карибского моря, где раньше часто высаживались пираты, грабили индейские поселения. Разбойное местечко. И еще знаменито тем, что растет там лучшее в мире какао!

За свою топографическую карьеру Свистунов сделал двадцать три изыскания. На месте будущих плотин, горных тоннелей. Запомнился самый длинный горный тоннель для воды – протяженностью 1683 метра и два метра в диаметре. Проектировали его и прокладывали с двух сторон. Боялись ошибки: вдруг встречные тоннели разойдутся или не совпадут горизонты прокладки!?

Но все получилось – совпало по высоте и по горизонтали. Затем полтора года шло обустройство тоннеля. В конце работ была «большая фиеста», как здесь называют праздник по введению объекта в строй. Приехало большое начальство во главе с президентом страны, с министрами.

– Всем местным, коренным, выдали медали, а русских изыскателей, нас было трое – я, Сережа Никитенко и еще один, фамилию запомнил, даже не пригласили на торжества, – вздохнул, как бы подытожил свою топографическую стезю русский казак. И продолжил: – Проработал я в этом министерстве 32 года, ушел на пенсию в 58 лет – досрочно, то есть до истечения пенсионного возраста. Пенсия вышла – с оформлением пришлось «походить по мукам» – в 2400 боливаров. Жить можно. К тому времени, купив участок земли, построил свой дом. У меня родились два сына, родилась дочь. Выросли. От первого брака тоже имею дочь. Дети получили образование, хорошо устроены, но живут в США. Между прочим, один сын, когда работал в Венесуэле, имел свой просторный дом, несколько автомобилей, яхту, хорошо зарабатывал. Но однажды его дочь бандиты взяли в заложники, возили всю ночь по городу, звонили и требовали заплатить выкуп в пять тысяч долларов. Сын заплатил, а потом сказал: я не хочу жить больше в этой стране... Уехал в Соединенные Штаты, хотя и там у него множество проблем...

А я здесь. Во-первых, английского языка не знаю, чтоб поселиться в США. Во-вторых, там совсем другой мир, иные отношения. Здесь – друзья, знакомые, все понятно, все известно. А там, например, приятель у меня поселился около Вашингтона, где живут всякие послы, консулы. Был я у него. И что? Водятся только между собой, больше ни с кем. С американцами, местными, у них ничего общего нет. О чем с ними говорить? Играют в бридж, в гольф. В шахматы не играют. Здесь тоже почти не играют в шахматы, даже русские. А я шахматист. Помню, как первый раз записался на соревнования, играли военные. Я всех легко обошел, выиграл золотые часы! Правда, когда пришел за наградой, оказалось, что часы кто-то спёр. Медаль какую-то выдали... Но, знаете, Венесуэла не шахматная страна. Даже в газетах никогда не пишут о шахматистах. Не признают! В почете только бейсбол, футбол. Слышали, как тут болеют на стадионах во время матчей?! Эйфория, стрельба из ракетниц, крики, взрывы петард...

Жена у меня умерла семь лет назад. Дети советуют взять в дом женщину, чтоб не быть в одиночестве. Но как-то не хочется. Здесь жарко и я по дому хожу в трусах. При женщине так не смогу... Потом – я готовлю сам, у меня есть стиральная машина. Что еще больше? Не-ет... Вот сейчас стихнут ураганы, поеду в Америку. Внук у меня там, ему 21 год, женится. И он всегда спрашивает: кто у

меня есть на родине, в России? Какого я происхождения? Я ему говорю, что терские казаки на восемьдесят процентов – старообрядцы, я, выходит, тоже из старообрядцев, хотя да десяти лет был католиком, потом крестили меня в православном храме, священник требовал на исповеди отречься от всех католических ересей, отрёкся. А внуку рассказываю, как через Белград в 44-м году проходила белая казачья дивизия генерала фон Панвица. В папахах, в черкесках, с клинками. Сербы думали, что это вошла Красная Армия, начали кричать – «Да здравствует Сталин!» Казачки, конечно, расшвыряли и – в нагайки! Я тогда встретил двух казаков, которые были из станицы отца. Они рассказали, что почти всю станицу раскулачили, сослали в Сибирь, там бросили на снег, на выживание. Больше от них никаких известий не было... А это родственники мои. Искал какие-то сведения о них по книгам. Нет. Сын искал по компьютеру, ничего нет!

Я всегда интересовался Россией, это моя родина. Коммунисты там или монархисты, Россия есть Россия! А то тут некоторые считали – русские только за границей...

Люблю Россию, знаете ли. Хотя был там всего один раз в 86 году. При Горбачеве. Было бы приятно поехать сейчас, но возраст да и карман не позволяет. Теперь, говорят, в Москве все построено для богатых иностранцев – рестораны, отели, развлекательные заведения. Там, конечно, немыслимые цены. А я не богатый. Но я русский. Первая жена у меня была русская, вторая русская, и внук говорит по-русски...

Когда меня здесь спрашивали – кто я такой, никогда не говорил, что я венесуэлец. Русский. Иногда мне это здорово помогало! В Сан Кисто у меня был приступ. Камень, знаете, в почке зашевелился. Страшная боль, я потерял сознание, отвезли в больницу. Сделали уколы. Пришел в себя. Сеньорита, сестрица, меня спрашивает: вы кто? Я говорю: русский. «О-о, какой вы счастливый, вы жили при социализме!» Говорю: «Да, я жил при социализме!» Она мне и кофе принесла, и ухаживала за мной признательно, особо...

А другой раз я работал в Порто Кабейо, там разные реки проходили. И вот должен был одну речку «делать». Прихожу туда с аппаратом, рабочие ждут. И вдруг из домика выходит женщина, у неё в руках подносик. На нем кофе и печенье. И она – ко мне. Я думаю, почему? Венесуэлка. Лет тридцати пяти, всё при ней. Ну выпил я кофе, угостился печеньем... И вот каждый день одно и то же! Потом мне сказали рабочие: её муж синдикалист. Коммунист. И сидит в тюрьме. А так как она знает, что я русский, то меня тоже коммунистом считает... Пусть считает, так ей, видимо, легче. Пусть!

В последний раз встретился я с Михаилом Георгиевичем, с русским казаком, в полуподвальчике у Волкова. Оба мы собирались в дальнюю дорогу: я в Россию, Свистунов все еще, в который раз – в Северную Америку, к детям и внукам. Отлету в Европу ничего не угрожало, а над Флоридой продолжали свирепствовать ураганные ветры и ливни.

Попрощались, обнялись за воротами. Я смотрел вслед казаку, как он размеренно, неторопливо, опираясь на трость, уходил узким тротуаром. До слез было грустно. Потом он свернул за угол, исчез, как бы растворился в жарком пространстве города. Для меня, полагаю, навсегда.

Каракас, Венесуэла.

Плюмень литературная

О КЛУБЕ «ВЕРЕШОК»

Этот поэтический клуб для юных, пишущих стихи и прозу, был создан при детской библиотеке № 3 города Тюмени. Уже десять лет, со дня основания клуба, им руководит поэтесса Антонина Маркова, автор двух стихотворных книг. Одаренные школьники учатся литературному мастер-

ству, публикуются в детских изданиях, выступают в различных аудиториях.

А недавно, участвуя в конкурсе детского творчества имени сказительницы А.М. Коньковой (г. Ханты-Мансийск), член клуба «Верешок» тринадцатилетняя Ксения Иванова, отличница учебы в гимназии города Тюмени, была награждена Грамотой и Дипломом конкурса.

В настоящее время «Верешок» взят под «крыло» Тюменского регионального отделения Союза писателей России, чем юные дарования очень довольны и признательны старшим коллегам.

В связи с 10-летием клуба «Верешок» Антонине Юрьевне Марковой вручен Похвальный лист Союза писателей России.

Ксения Иванова

* * *

*Колелеблется пламя свечи.
Неясное грезится что-то,
Виденья скрестили мечи
И скрылись за рамкой киота.
Ушло вездесущее время.
Нет боле безликих границ.
Сменяются звездные тени
Жемчужной слезою зарниц.
Окончилось время полета,
Совместно с ночной тишиной
Погасла свеча пред киотом,
И грёзы растаяли с тьмой.*

2005

«ЛИРА И КРЕСТ»

Так назывался вечер памяти талантливой поэта и воина, посвященный 80-летию Евгения Федоровича Вдовенко.

Организаторы вечера – писательская организация, тюменский Дом офицеров (начальник Геннадий Васильевич Пономарев), вдова поэта Галина Васильевна Вдовенко – принимали участников вечера и гостей в актовом зале Дома офицеров при тюменском ДК «Строитель».

В зале присутствовали ветераны войны и труда, писатели, офицеры, курсанты ТВВИКУ, представители общественных организаций, журналисты, родные, близкие, друзья поэта и офицера-десантника Е.Ф. Вдовенко.

Вечер вели заслуженный работник культуры России Валентина При-

былова и председатель Тюменского отделения Союза писателей России Николай Денисов.

Собств. инф.

РЕМЕЗИНОЕ ГНЁЗДЫШКО

В литературном музее села Окунёво Бердюжского района прошло очередное интересное мероприятие. На этот раз гостем сельчан стал наш земляк из райцентра, журналист и писатель Николай Ольков. Недавно у Николая Максимовича вышли две прозаические книги «Признаюсь, что живу» и «Ремезиное гнездышко», которые, готовясь к встрече с талантливым земляком, прочитали наши взрослые и дети.

Встреча в музее прошла очень интересно и трогательно. В заключение этой встречи окуневец Анатолий Александрович Замякин, разыскав заранее в зимнем лесу старое гнездо

ремеза, напоминающее рукавичку, висящую на ветке березы, преподнес в подарок нашему гостю. По народному преданию – ремезиное гнездышко приносит счастье.

Зинаида Каргаполова,
член Совета литературного музея.

ПАМЯТНАЯ ВСТРЕЧА

В рамках конференции «Диалог церкви и государства, сохранение духовного здоровья России», организованной Тюменским нефтегазовым университетом, литераторы Тюмени встретились со своими коллегами из Москвы – известными русскими писателями, патриотами Отечества Владимиром Крупиным и Олегом Платоновым. Гости ответили на многочисленные вопросы; коллеги по перу обменялись новыми книгами, автографами.

Собств. инф.

Впереди у нас две значительных даты:

20 июля 2007 года. Тридцать пять лет назад, 20 июля 1972 года, вышел первый номер газеты «Тюмень литературная». У истоков издания стояли: Лагунов К.Я. – ответственный секретарь Тюменской писательской организации, Денисов Н.В. – в ту пору выпускник Литературного института им. Горького, молодой поэт, журналист «Тюменской правды», ставший редактором «ТЛ»; дал добро изданию Первый секретарь обкома КПСС Щербина Б.Е.

16 февраля 2008 года. Исполнится сорок пять лет Тюменской областной писательской организации. Основали организацию – 16 февраля 1963 года – Баруздин С.А., секретарь Правления Союза писателей СССР, Лагунов К.Я., избранный первым в истории организации её руководителем, и Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Щербина Б.Е.

Николай ДЕНИСОВ

С восходом, с зарей...

Из поэмы «Граница»

*С восходом, с зарей заалела и кровля амбара.
Как прежде, на пристань иду меж картофельных гряд.
Внезапной подлодкой всплывает на Долгом гагара.
Гусыня соседская гагает на гусенят.*

*Порыв ветровой... Заходил дуrolом камышиный.
Напуганно вскрикнул мартын над рыбацким садком.
Незрелый народ пролетел в иностранной машине
Меж Долгим – Головкой. И вот уж пылят большаком.*

*«На грязи», конечно. Теперь толчея на Солёном.
Чуть что, наезжают. И по боку всех докторов.
Живи бы отец, он бы выплыл на лодке смолёной
Да вместе с Тарзаном. И тот бы глотал комаров.*

*Кот Васька бы ждал на мостках в эйфории голодной,
Как выберут сети, меж дел посудив обо всем,
Чтоб после прошествовать узкой тропой огородной:
Тарзан и отец, и кот Васька в зубах с карасем!*

*И я после смены сиял бы в разводах мазута,
Скворчала б жарёха, дымилась с укропом уха.
А мама и с Зорькой сумела б управиться круто,
Пока за калиткой не выстрелит кнут пастуха.*

*Потом уж и спать, занавесив простор заоконный,
Где мать и отец сенокосят в медах визилей.
И в снах-полуснах над виденьями «Тихого Дона»,
И после мечтать о желанной Аксинье своей.*

*Пустое теперь уж... Сложнее забыться и выпить,
Поплакаться небу – обложен позором границ...
Осталось на Долгом под долгое уханье выпы
Смотреть на домашних, давно не летающих птиц.*

*Но хоть бы разочек, процесс, как всегда, «переходный»,
Увидеть далеких, взгрустнуть о заветном, своём,
Как шествуют дружно – гуськом по тропе огородной:
Отец и Тарзан. И кот Васька в зубах с карасём...*

Окунёво – Тюмень. 2004 г.

Дом культуры в с. Окунево

Улица в центре Бердюжья

На озере Соленом

Земляки на границе района

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская ассоциация литераторов, коллектив редакции.
Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.
Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Тюменская и Ханты-Мансийская писательские организации.

Газета отпечатана в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в печать 26.03.2007. Тираж 800 экз. Заказ № 453.

Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка С. Н. Пятковой.
Корректор В. П. Бумагина.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

ДЛЯ ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

